

Обжигательный

ВЕТЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЭЙПРИЛ СЭВЕН

18+

Эйприл Сэвен

Обжигающий ветер

<https://litres.ru/74688719>

SelfPub; 2026

Аннотация

СУБИН всю жизнь провела под грузом чужих ожиданий.

Четыре года назад семья отослала ее в другую страну, чтобы забыть о позоре и сделать вид, будто ее не существует.

С тех пор весь мир для нее умещается в комнате, где крушится мебель и бьется посуда. А тот, кто считает ее неудобной ошибкой, молча оплачивает счета за ущерб. Теперь у Субин есть только дневник, где она каждый день ищет причины для жизни. И тишина, которую нарушает фотограф, привыкший смотреть на мир через объектив камеры, не подпуская к себе ближе, чем позволяет кадр.

ДЖЕЙСОН увяз в череде пустых отношений, привыкший изображать беззаботного парня, который внутри прячет усталость от самого себя. Пока он считает, что строит жизнь заново, в нее, словно ветер, врывается та, кто давно перестала верить в свою.

Для них знакомство — это столкновение ее желания все разрушать и его правила ни к кому не привязываться.

Но сможет ли сила их притяжения разжечь искры, и не спалить эти чувства дотла?

Содержание

Список предупреждений	4
Дисклеймер	6
Посвящение	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5. Столкновение	50
Глава 6	66
Глава 7	72
Глава 8	81
Глава 9	90
Глава 10	98
Глава 11	108
Глава 12. Сопротивление	119
Глава 13	135
Глава 14	147
Глава 15	154
Глава 16	169
Глава 17. Разрушение	173
Глава 18	180
Г	192
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Эйприл Сэвен

Обжигающий ветер

Список предупреждений

Дорогие читатели!

В «Обжигающем ветре» романтической линии отдается важная, но не первостепенная роль. В книге я избегала детального описания жестоких сцен, но здесь затрагиваются тяжелые темы:

эмоциональное и физическое насилие;
ПТСР, панические атаки, диссоциация;
депрессия, суицидальные мысли;
прием психотропных препаратов;
расизм и ксенофобия;
буллинг;
месть, шантаж.

Важно: расизм и ксенофобия в книге показаны как проявление агрессии и часть реальности, с которой сталкиваются персонажи.

Автор не поддерживает эти взгляды.

Если темы для вас слишком болезненны, пожалуйста, отложите книгу или выберите другое чтение.

Берегите себя.

Дисклеймер

В главах от лица Субин используется метрическая система (метры, сантиметры), поскольку героиня выросла в Южной Корее. В главах от лица Джейсона — имперская система (футы, дюймы), так как герой — американец. Это сознательный выбор автора, а не ошибка.

К началу событий в книге некоторые упомянутые социальные сети сменили названия. Они встречаются в привычном, узнаваемом виде, а не как официальные бренды.

В тексте используются отсылки к известным произведениям, фильмам, музыке, брендам и франшизам. Автор использует их исключительно для создания атмосферы. Все права принадлежат правообладателям.

Посвящение

*Всем тем, кто каждый день ищет
причины для жизни. Главная
причина для жизни — это вы.*

Глава 1

Субин

Бостон, 2024 год

— Субин-а, — Спайки растягивает последний слог, обращаясь ко мне по-корейски.

Родная речь всегда нужна была ему для одной цели — показать превосходство над младшими, когда возраст — это единственное, что ставит его на ступеньку выше.

— Ну-ка напomini дяде, на каком направлении ты учишься?

— Дядя, чтоб тебя... — тихо выругавшись на том же корейском, напоминая присутствующим, что иногда позволяю себе сквернословить на родном языке.

— Как ты разговариваешь со старшими? — недовольно

шикает Спайки, он же Квончжин.

— «Бизнес-стратегия крупных конгломератов». — Я натягиваю кроткую улыбку, наблюдая за их лицами, и не вижу ни одного удивленного взгляда.

В прошлый раз это была «Космическая инженерия», в позапрошлый — «Искусственный интеллект в медицине». Еще раньше — «Гончарное дело», «Психология межличностных отношений» и прочий бред.

Все равно не запомнят, а мне хоть какое-то развлечение. — Умница, Пак Субин. Сонбэ¹ точно тобой гордился бы. Я смотрю на сияющее лицо Квончжина. Если бы мы не прожили в одном доме почти два года, я подумала бы, что он тоже *гордится*.

— Но *сонбэ*наплевать. Его прах четвертый год как развеяли над Желтым морем.

— Это же твой отец, — Роза вмешивается в разговор, на которой до этой секунды ей было плевать.

— Точно, — киваю я. — А еще он трус и самоубийца. Не совсем, но в ту ночь он сознательно сел пьяным за руль. Это то же самоубийство, только с риском еще и забрать кого-то с собой.

— Ты таблетки пить бросила? — снисходительный тон моего бывшего опекуна вмиг становится жестким.

— Что ты! — Плавным жестом руки смахиваю с лица

¹ Сонбэ (## [sŏnbae]) — обращение к старшему коллеге. При высоком статусе коллеги к обращению прибавляется уважительный суффикс «ним».

прядь волос. — Я в разгаре очередного курса.

Отвернувшись, он тянется к тарелке с панчанами²и, не глядя, толкает ее в мою сторону.

В этот раз он закончил с нотациями быстрее. Плюс один к числу моего возраста, видимо, как-то обязывает идти на уступки.

— Роза тут приготовила намуль.

Я смотрю на ростки папоротника, щедро сдобренные кунжутным маслом и семечками, и поджимаю губы.

— Он с кунжутом. У меня аллергия.

Ложь, на которую никому нет дела.

Как обычно — мы никогда не были интересны друг другу. Ни в болезни, ни в здравии, да и вряд ли кого-то из них тронула бы моя кончина.

Впрочем, я без претензий, потому что это взаимно.

В доме Спайки и Роза я оказалась случайно. Пак Гихуну, отцу моего отца, нужен был опекун, чтобы спрятать подальше позор семьи основателя конгломерата.

В восемнадцать нормальных людей во всем мире уже называют взрослыми, а вот я в этом возрасте не считалась даже вменяемой. Вот и вынуждена была мириться с чужими людьми, якобы заменяющими мне родителей.

В общем-то, каковы родители, такова и замена.

² Панчан (банчхан, панчхан, банчан), кор. ## — общее название различных закусок и салатов в Корее, которые подаются как аккомпанемент к основному блюду и рису, в небольших неглубоких тарелках.

— Твой дедушка... — вновь подает голос Розы.

Замираю с вилкой в руке и смотрю на нее, не мигая. Не хочу даже слышать эти два слова в одном предложении.

Она тихо покашливает и посылает улыбку *неискреннего* извинения.

— Президент Пак Гихун... в прошлом месяце урезал вознаграждение вдвое.

— В прошлом месяце? — переспрашиваю я медленно, выделяя каждое слово. — Я ушла от вас в прошлом году. Вы не тратитесь на мое содержание. Почему он вообще все еще отправляет вам деньги?

— То есть как, ты ведь... — Спайки машет рукой в сторону коридора.

Проследив за ее движением, понимаю, куда он клонит.

Я хожу сюда иногда. Пусть и реже, чем раньше, но так же — без приглашения. Я решила, что справедливо свалить всю ответственность за мои срывы на плечи тех, кто уже несколько лет живет за мой счет.

— Бросьте. — Расплываюсь в широкой улыбке, но она не касается глаз. — Не было ни одного случая, чтобы после моего визита Пак Гихуну не выслали чек. Покрывают его обычно в тройном размере, два из которых — моральная компенсация каждому из вас. И вам все еще мало?

Взгляды опекунов тонут в узорах дорогой скатерти.

Наступает минута молчания, словно здесь вспоминают о мертвых. Для людей за этим столом я значу едва ли больше,

чем труп, поэтому тишина звучит почти как уважение.

Спайки прерывает молчание первым:

— Так ты точно не будешь намучь?

— Ты убить меня хочешь?

За столом вновь становится тихо. Ничего необычного, но ощущается это иначе. В комнате нет настенных часов, но в моей голове четким ритмом отстукивает непонятный звук.

За спиной раздается шум телевизора, молчавшего все это время. Я успела забыть, что в их доме он есть, хоть и знаю привычки хозяев как собственные.

Рози вскакивает со стула, хлопая по карманам брюк, и уже на этой бездарной пантомиме я догадываюсь, что сегодня в вечерней программе меня ожидает спектакль.

— Боже, я, кажется, села на пульт... — Она всплескивает руками, опускает взгляд к полу и тянется к стулу.

Но секунды идут, а звук никуда не исчезает.

Оборачиваюсь, чтобы оценить представление в полной мере. На экране следом за звуком мелькает картинка — яркая, может быть, слишком сочная для новостей на федеральном канале.

В Сеуле восемь утра.

Спайки, не поднимая голову, тянется за бокалом сока.

— Новости — это традиция в нашей семье. — Он отпивает глоток и прокручивает бокал между пальцами. — Роза, не выключай, думаю, Бин не против послушать.

Я сжимаю в руках салфетку, и влага пропитывает бума-

гу. Медленно опускаю ее на стол, а из легких высвобождаю вздох вместе с напряжением.

Телевизор мерцает кадрами, отражающимися на стеновой панели из матового стекла. Первые семь минут новостей я старательно пережевываю еду, отвлекаясь от звуков знакомого голоса телеведущей.

Ким Соен.

В мыслях — воспоминания о том самом выпуске новостей:

«Пострадавшая Рю Сыльги, ученица старшей школы Чхонволлен...»

Вспышка такая яркая и болезненно сладкая, что я почти осязаю ее.

Даже четыре года спустя мне все еще любопытно: что Ким Соен чувствовала, когда находилась не в той же больнице, где лежала ее пострадавшая дочь, а по ту сторону экрана, вещая на всю страну о случившемся... горе?

Каково это, делать из собственной трагедии лаконичный сюжет, упакованный в тридцать секунд?

Мне хотелось, чтобы моя одноклассница испытала такую же боль, как и я. Чтобы в этой таблице страданий, которую я расчертила в своей голове, Рю Сыльги поделила со мной первое место. А еще лучше — опередила меня. Если бы я тогда знала, что жизнь наказала, наградив бесчувственной матерью-роботом, кто знает, может, моя ярость, была бы не такой оглушающей?

Семь минут я подсчитываю посекундно. Пару раз, не удержавшись, перевожу взгляд на экран — оценить, как сильно за эти годы изменилась ее улыбка. Глянца в ней стало больше, такая же неестественная часть образа. Но как только погаснет экран, эта сука вновь превратится в монстра.

Голос ведущей Ким превращается в монотонный гул, и лишь к началу восьмой минуты звуки становятся четче.

Кажется, кто-то из этих двоих умудрился добавить громкость. А иначе как объяснить то, что каждое слово я разбираю так, будто кто-то вбивает чернилами их под кожу?

«...Еще одна новость утра: Пак Гихун, президент "PK Group" объявил о помолвке своей старшей внучки. Ее избранником стал сын основателя магазинов "HiteLite"».

На экране коллаж из двух фотографий. На одной — Пак Минджи в красном вечернем платье на юбилее Гихуна. На второй — Хван Дохен — снимок с того же праздника, и на нем он в костюме ублюдочного синего цвета.

Воздух выходит из легких быстрым рывком, а салфетка в руке больше не кажется мне такой безобидной. Я сжимаю ее так сильно, что дрожит не только кулак, но и все тело.

Моя выдержка не дала бы трещину, если бы это была очередная новость о достижении Пак Гихуна.

Мне плевать даже на то, что Минджи стала в семействе Пак старшейвнучкой.

Я догадывалась, что ужин в «семейном кругу» — это повод в очередной раз указать мое место. Я готовилась ко всему, и уверена, в этот раз показала бы тем гиенам напротив, что умею справляться.

Только вот... Даже в этой привычной мне вывернутой наизнанку картине мира не нашлось места для мысли, что первым зятем в семье Пак Гихуна станет...

Мой бывший.

Я оглядываюсь и бросаю секундный взгляд на экран. Возвращаюсь к моим мучителям и вздыхаю, расплывшись в ядовитой ухмылке.

— Как удачно, — произношу едва слышно.

Поднимаюсь из-за стола, расправляю плечи и делаю два шага вперед. Потом два влево и еще один, чтобы вплотную приблизиться к Рози.

— Ключ. — Я протягиваю руку и смотрю на нее в упор. Рози прижимает пальцы к губам, изображая испуг.

— Но... Субин...

Подношу указательный палец к ее лицу и замираю в миллиметре от носа.

— Гони этот гребаный ключ, Рози. Или я начну прямо здесь.

— Рози, делай что говорят, — отстраненно бросает Квончжин, разглядывая ногти.

— Пять секунд. — предупреждаю я. — Ты ведь знаешь, я умею быть убедительной.

Она лезет в карман, и ключ падает мне в ладонь. Я сжимаю его, разворачиваюсь и иду по коридору.

Взгляды Розы и Спайки жгут спину, но никто не идет следом. Я уйду, а они будут молча подсчитывать, на сколько тысяч разбогатеют уже завтра утром, и чем больше ущерба я нанесу, тем круглее станет число на счету этих ублюдков.

Семь шагов. Поворот направо к длинному коридору.

Двадцать два. Лестница. Десять ступеней вверх, и еще десять — после пролета.

Три шага. Поворот налево. Восемь — и вот та самая дверь.

Нет, не в Нарнию, это место совсем на нее не похоже. Слишком темный, практически черный угол моей души.

Ключ поворачивается с тугим щелчком, я тяну за ручку двери, и та поддается не сразу, открываясь с протяжным скрипом.

В комнате я не осматриваюсь, мне плевать, как здесь все изменилось с прошлого раза. Сколько они запасли стекла и ростовых фигур людей, которых я ненавижу.

Хотя нет, кое-что мне все-таки интересно. Спайки и Розы додумались заказать своих двойников из фанеры? Это бы я оценила — так высоко, что, клянусь, позвонила бы Пак Гихуну лично и попросила выплатить компенсацию не в тройном, а в пятикратном размере. Каждому сверху за оригинальность.

Рука тянется к столику, на котором стоят бокалы. Один быстрый взгляд, чтобы понять — новых фигур сегодня нет.

Жаль, я бы с радостью бросила что-нибудь прямо в картонную рожу Спайки.

Я выбрасываю вперед руку вместе с бокалом. Раздается сухой треск стекла о фанеру, следом — звон осколков и тяжелый грохот рухнувшей на пол фигуры.

— Вы все. Просто. Должны! Сдохнуть!

Я стучу по паркету, вдавливая осколки подошвой. Представляю, как делаю то же самое с их черепами.

— Ненавижу... Как же я вас всех ненавижу!

С губ слетает очередное проклятие. Это именно то, что дает пусть и временное, но освобождение. Просто грязь, помогающая не увязнуть в мыслях о собственной смерти и перерождении.

Я не дам им так просто прожить прекрасные жизни с верой в то, что любое дерьмо сходит с рук, если ты молодой и богатый.

Почему, черт возьми, эти твари все еще живы?! Почему продолжают дышать полной грудью, пока я задыхаюсь?

Бокалы заканчиваются, и взгляд цепляется за монитор. Почти такой же, как тот, который я разнесла в прошлый раз. Он же наверняка и разлетится с таким же оглушающим треском.

Через секунду я слышу громкое подтверждение своим мыслям, и этот звук даже лучше, чем я ожидала.

Я хохочу во всю силу внезапно оживших легких, с освобождающим криком бросаю клавиатурой в стену. Сметаю

с плотно заставленных полок стеклянные статуэтки. Пинаю кровать, вспарываю подушки, разбрасывая вокруг белые ключья наполнителя. Хватаюсь за простыню и одним рывком раздираю ее пополам.

Пусть эти двое смеются и называют меня сумасшедшей.

Пусть все называют, мне и на это плевать!

В том мире, где я существую, делая вид, что со мной все в порядке, только безумец сумеет спокойно жить и дышать.

Внутренний секундомер отключился на время моей разрушающей терапии, поэтому я не знаю, сколько проходит минут, когда объекты моей мести заканчиваются.

Я опускаюсь на корточки, не рискуя садиться на груды осколков. Какой бы больной и искалеченной я ни была, во мне все еще теплится жалкий инстинкт самосохранения. Такой же, как необъяснимое, иррациональное желание жить.

Я тяжело дышу посреди учиненного хаоса. Одновременно он исцеляет меня и отнимает последние крохи надежды.

Этот кошмар не закончится.

Ни горы таблеток, ни психиатры, ни бесконечная терапия — мне ничего не поможет.

Я не получу это чертово исцеление.

Пока не увижу каждого из них... *Уничтоженным.*

Глава 2

Паркер

Тестостерон. Тестостерон... *Сиськи!*

Которые тут же заслоняет очередной тестостерон.

А тут у нас что? Похоже на сиськи, но почему их не видно?

Будто они... прячутся?

— Здравствуйте, дамы. Можно мне подкатить к вашим... подпольным агентам? — И, как всегда, мой язык опережает мозг, когда в крови больше пяти порций алкоголя.

— К чему?

— Забейте. Метафора, — я улыбаюсь загадочно и в тайне надеюсь, что вышло именно так, а не с выражением имбецила на выгуле.

— Прости! — перекрикивает музыку та, у которой заметна хотя бы какая-то выпуклость на месте груди. — Мы типа вместе.

— Ла-адно, никаких проблем!

Я поднимаю руки, подстраиваясь под ритм пульсирующей мелодии, качу дальше и останавливаюсь, только заметив неподалеку Ронни — приятеля, с которым мы решили отметить мой переезд.

— Эх-хей, Паркер, держи курс на пятьдесят градусов пра-

вее!

Он подходит ко мне вразвалку и придерживает под мышкой кудрявую голову своей десять минут как постоянной девушки.

Оглянувшись в сторону тех самых *пятидесяти градусов*, он щекочет мне ухо шепотом:

— Там такие аппетитные сиськи. Так и съел бы, но есть один нюанс.

В это время *нюанс*то ли делает вид, что не замечает многозначительных взглядов бойфренда, то ли мечтает избавиться от него и разжаловать из категории постоянных.

— Уверен, что они никем не заняты?

Грудь там и правда зачетная, но у меня есть принцип: все свободные девушки — скорость на полную; занятые — я мчусь на той же, но подъезжаю к следующей.

— Уверен! У нее каждый раз то новые парни, то даже *не парни*. В крайней степени полигамные, я бы сказал, настоящие сиськи свободы.

Сомневаюсь, что той, кто поставит меня на лопатки с числом сексуальных партнеров, интересны мои две недели. Но я разве сказал где-то, что не могу сократить этот срок?

Две последние порции алкоголя кажутся лишними, когда я выпрямляюсь и шаткой походкой иду в сторону синей блузки с глубоким вырезом.

Сиськи свободы — звучит... *патриотично*.

Руки девушки поднимаются в танце, и в одной из них на

мгновение я представляю факел, от чего на губах расплзается улыбка дебила. Я не вижу, но, думаю, что сейчас на моем лице интеллект можно разглядеть только с десятикратным зумом.

Шаг за шагом я приближаюсь к синей блузке. В четырех футах мой сбитый прицел вылавливает очертания красной юбки.

Замираю на месте и, мотнув головой, говорю сам себе:

— Что за странное сочетание?

Кто-то из проходящих мимо оборачивается, но я делаю вид, что говорю с кем-то сбоку от себя.

— Мой изыс... канный вкус фотографа против такой безвкусицы.

Будто это влияет на то, какой она будет в постели.

Хмурюсь и быстро трясую головой.

— Минус секс из-за красной юбки? Ты в конец охренел, Джей Пи Пи?

И с чего я сейчас вспомнил детское прозвище?

Я насильно перебираю ногами в сторону расплывающейся цели. Мне остается чуть больше фута, чтобы добраться до Сисек Свободы, но мою кисть неожиданно сильно сжимают чьи-то холодные пальцы.

Вздрагиваю и перевожу взгляд вправо. И впервые за вечер, переполненный размытыми кадрами, я смотрю на кого-то, переключившись на портретный режим.

Нужно было просить у бармена лед, я забыл, как это ино-

гда отрезвляет.

Азиатка. Выглядит просто... Вау.

И не то чтобы меня тянет к экзотике, но она... убийственно горяча.

Смотрит так, будто прижала к твоему горлу клинок, р-раз — не дрогнув рукой, отсечет голову, а через мгновение делает себе харакири.

— О-Рен... Ишии³?

Музыка замолкает *вовремя*, и мое сравнение не остается незамеченным.

— Ну спасибо, хотя бы не Шелк, — холодно отзывается девушка.

Это что сейчас, была отсылка к Человеку-пауку?

— Не-е-ет. И ты туда же... Меня зовут Джейсон. Джейсон!

Пошатнувшись, она выпускает мою руку.

— Джейсон Питер Паркер — Джей. Пи. Пи!

А вот это явно было лишнее...

— В смысле... не пи-пи, а...

Опускаю голову и отворачиваюсь, пряча позор в разглядывании танцующих рядом людей.

Интересно, возле которой из барных стоек я оставил свои мозги...

— Да я поняла. — В ее голосе появляется мягкость, на

³ О-Рен Ишии — вымышленный персонаж дилогии Квентина Тарантино «Убить Билла», роль которой исполнила американская актриса Люси Лью.

лице — слабая, еле заметная улыбка, от которой образ киллерши вмиг растворяется.

— Пи-точка-Пи, — уточняю на всякий случай.

Хотя вряд ли это нужно — мозги в алкоголе растворились здесь только у меня.

— Питер Паркер — как... фотограф из «Дэйли Бьюгл»? — Ее улыбка становится шире, а мой взгляд фокусируется на губах.

Чтобы отвлечь меня от красивых сисек, оказывается достаточно быть убийцей и иногда улыбаться.

— Странно, что ты не вспомнила его суперге-е...йскую личность, — я сбиваюсь и от раздражения чуть не быю себя по губам. — Геройскую. Обычно всем нравятся сильные парни.

Улыбка сходит с ее лица моментально.

— Мне ближе ботаники.

Бросив мне это, как обвинение, она отворачивается и... уходит. Судя по всему, искать своего ботаника.

Ронни снова материализуется, тыча бокалом мне в нос.

— Выпей. — Он кивает в сторону Сисек Свободы. — Ты упустил уже третью за вечер. — Это фиаско нужно запить алкоголем, чтобы забыть, как страшный сон.

Значит, четвертую он не заметил.

— Иди ты. — Я трезвею на одну выпитую порцию, когда окончательно теряю ее из вида.

Может, она мне привиделась? Что, уже белая горячка? Де-

сяти нет, а я уже сдуся.

Ронни стоит на своем, но, отмахнувшись, я протискиваюсь мимо размытых фигур на танцполе.

Да тут с десяток девчонок в белом.

Чтобы найти ее, я добавляю еще несколько признаков во встроенный в голову фильтр поиска: светлые волосы, чокер на шее, кожаный ремешок на запястье, что-то похожее на тату с непонятными буквами на плече. Даже в нетрезвом уме я не перестаю быть фотографом, если объект, на котором остановился мой взгляд, кажется мне интересным.

Я наконец нахожу ее: гордо сидит в одиночестве у барной стойки. И к ней никто не подсаживается, хоть соседний стул свободный.

Неужели боятся? Понимаю, я тоже вначале испугался.

— Мое имя ты знаешь, — говорю, уже сидя на стуле. — Может, скажешь свое?

— О-Рен Ишии. Ты сам догадался, — она пожимает плечами, не поворачивая головы.

— Если без шуток?

— Если без шуток: ты слишком пьян, чтобы я называла имя. Будь ты немного трезвее, может, и подошел бы.

— Ты убиваешь только трезвых? — не удержавшись, хихикаю я.

Она наконец поворачивается и, наклонив ко мне голову, признается:

— И убиваю. И трахаю.

Последнее расщепляет в моей крови еще одну порцию алкоголя.

— Ты... пришла искать парня на одну ночь?

— Это проблема?

Как насчет двух недель?

— Нет, — бросаю раньше, чем повторяю вслух свой вопрос. — Я часто так делаю. В смысле, не парня — ищу, а...

Зашейте мне кто-нибудь рот...

— Но сегодня не твой день. — Девушка отворачивается, вновь подставляя мне профиль.

Я плавным взглядом скользя по линии роста волос, гладкому лбу, переносице. Останавливаюсь на выемке над губой и замечаю, как та чуть вздрагивает.

— Я не хочу с тобой спать, — вырывается с легким налетом обиды.

Джейсона Паркера отфутболила девушка — чем не повод обидеться? Но я, кажется, правда, не хотел бы с ней переспать.

— И почему же? — Она поднимает бровь и смотрит так, будто я сказал, что ни разу в жизни не пробовал алкоголь. — Не нравятся азиатки?

— Мне все нравятся. Просто твой взгляд... немного пугает. Не знаю... Может, ты прикуешь меня к спинке кровати и... изнасилуешь.

О-Рен Ишии вздрагивает и бросает секундный взгляд в мою сторону.

Стопка текилы была перед ней, еще когда я подошел к бару, но только сейчас она подносит ее к губам.

Зеленая жидкость выливается в ее горло без пауз. Во взгляде вспыхивает что-то новое, и непонятно, причина в той стопке текилы или в моих словах.

— Тебя подвезти?

Мне нужно дважды моргнуть, чтобы осознать, что это она обратилась ко мне.

— Ты перебрал. — Она кивает на мои руки, и я пытаюсь понять, что она в них такого увидела. — Я пока не успела.

— Я не...

— Расслабься, приковывать к спинке кровати не буду. На-силовать тоже. — Бросив купюру бармену, она спускается с барного стула и приближается к моему лицу. — Только если... сам захочешь.

И, черт подери, она просто уходит!

Да кто так вообще делает?

А, точно. Она же сказала, что хочет меня подвезти.

Ну ладно, тогда я пошел.

Храни меня Бог, если в ней есть хоть половина жестокости О-Рен Ишии.

Глава 3

Субин

— Пак Субин, я не давал разрешение брать мою машину!

— Спайки верещит, оглушая через динамик.

— А у тебя кто-то спрашивал?

— Тогда я звоню в полицию!

— Давай! — щелкаю языком, растягивая слова. — И у меня есть для них кое-что интересное. Запись того разговора. Помнишь? Который был между нами, перед тем как я забрала встречный иск. Ты сам знаешь, по какому поводу.

Делаю паузу, дав ему время переварить каждое слово.

— Я наизусть его помню, — почти напеваю. — Слушаю каждую ночь перед сном и представляю, как буду цитировать его на суде.

Я провожу пальцем по губам, стирая улыбку.

— Твое преступление без срока давности, Ким Квон-чжин. Пусть я и сломала твой нос, но ты был тогда опекуном недееспособной девушки.

— Пак Субин, ах ты с-сука.

— Пак Субин, ах ты сука, — я передразниваю его, со всей дури вдавливая носок обуви в педаль.

Слышу, как он захлебывается воздухом на том конце, но

не даю ему времени ответить. Сбрасываю вызов и снова переключаюсь на дорогу.

Вечером в этой части города улицы редко бывают свободными, но мне сегодня повезло. Правда. Ну хоть в чем-то же мне должно было повезти. Раз именно сегодня я узнала, что мой бывший парень женится на моей кузине, а парень нынешний изменяет мне с той, кого любит давно, но по глупости думает, что безответно.

Я ненавижу их.

Спенсера чуточку меньше, чем остальную кучку придурков и тварей, но и его — *ненавижу*.

Впрочем, мы с ним всегда были, как герои кино разного жанра. Спенс — это комедия с уклоном в романтику, а у меня — психологический триллер.

Вряд ли я посмотрела бы в его сторону, если бы не заметила интерес с первых же дней в танцевальной школе. Меня устраивала его осторожность и то, что он не строит из себя мачо. Я контролировала происходящее и даже испытывала толику удовольствия от осознания, что в наших с ним отношениях лишь я решаю, сделать ли следующий шаг.

Пока в одночасье не вынуждена была поделиться его вниманием с какой-то случайной пигалицей.

Безвкусно одетая коротышка. Шумная, едкая, с таким же кричащим именем, от которого уши сворачивает в трубочку, как древний папирус.

Милагрос Рамирес.

Знаю, что пигалица Рамирес — это почти идеал для спокойного Спенсера. Он уравнивает ее чрезмерную звучность, и вместе они дополняют друг друга. Но все это только усиливает мое раздражение.

Я не понимала их игры, где отношения называются дружбой, но ревность такая, будто они женаты. Вначале я не хотела вмешиваться, увидев, как явно их тянет друг к другу и изредка наблюдая за их вертикальной прелюдией в танцах.

Не скрою, меня это возбуждало. Я представляла себя на ее месте. Смотрела записи их репетиций и воображала, как трахаю Спенсера в танцевальном классе. Но весь мой пыл ограничивался богатой фантазией. Я трахалась с ним, добавляя разнообразие своей сексуальной жизни. Но исключительно в мыслях.

Тот наш первый раз в танцевальном классе произошел спонтанно. Он был разбит из-за Милли, а я... В крови кипел адреналин от долгого ожидания и томления. Может, поэтому я не просто решилась, но и *смогла*. Нет, я не кончила, но это, по крайней мере, было... приятно. Приятно в моем понимании — это когда хотя бы не больно.

Не так, как когда кто-то берет тебя силой, используя член, или... что-то другое.

Чтобы добраться до клуба, в котором обычно тусуется много ребят с универа, я трачу чуть меньше часа. Спайки больше не названивает. А мне плевать, что патруль может остановить меня и обвинить в угоне.

Стоило пойти в другой клуб, но с моей целью на вечер и ночь, надежнее подцепить кого-то знакомого.

Прежде чем выйти на воздух, я поправляю в зеркале волосы. Светлый оттенок меняет внешность, частично стирая воспоминания. В школе моя прическа была постоянной. Черные волосы, низкий густой хвост, редко — прямая челка.

Последние несколько лет... Мне не хочется возвращаться даже к родному цвету.

В клубе ожидаемо шумно и жарко. Запахи смешиваются, вызывая легкую тошноту, но я быстро к ним привыкаю.

Первые пару мужчин, чьи оценивающие взгляды я замечаю, раздражают своей откровенной пошлостью. Сделав вид, что их не существует, иду дальше.

Здесь не так много знакомых лиц, как я ожидала. Я пока вижу только девушек, и... не готова к таким экспериментам.

А вот этого парня я точно где-то видела. Он с последнего курса, как и Спенсер, и, возможно, они и учатся на одном направлении. Уже через секунду, замечаю, как парень машет другому — тоже смутно знакомому. Он становится четким, когда поворачивает влево. Я вижу не только острый профиль альфа-самца, но и полную картинку.

Мистер-я-ненавижу-когда-меня-сравнивают-с-супергероем.

Если мне нужен парень, с которым получится отомстить Спенсеру, Паркер — просто идеальный кандидат. Именно из-за него полтора года назад Милли кинула Спенса.

Если я сделаю так же, это будет удар ниже пояса?

Вряд ли.

Спенс изменяет мне с девушкой, которую любит. Да переспи я хоть с половиной клуба, он переживет это и не почувствует даже процент от той боли, что бьется внутри меня.

— Тогда что я тут вообще делаю... — я выдыхаю, собравшись уйти.

Всего на пару секунд взгляд возвращается к Паркеру и заставляет меня замереть, глядя на то, как неон вспыхивает на его лице и следом прицельно бьет в меня, перехватывая горло.

Вот черт.

Плечо тянется к выходу, но глаза продолжают вылавливать разноцветные блики на его коже.

Гори оно все адским пламенем.

Неоновые огни вывески небольшой гостиницы, куда я привезла Паркера, отражаются на его лице, придавая коже зеленый оттенок.

— Я не тот Питер Паркер, — тихо возмущается он, не открывая глаз.

— Вижу, — отвечаю, хоть и знаю, что он не слышит меня. — Сейчас ты больше похож на Шрека.

— Ты выпил мою Колу, — жалобы продолжаются, и это уже пятая вещь, которой он недоволен во сне. — Да, ты стар-

ший... Но это не значит, что я везде должен ждать очереди...

— А драма-то многосерийная.

Отстегиваю ремень безопасности и тянусь к его плечу, чтобы разбудить и сказать, что привезла в гостиницу. Попрошу назвать адрес дома он проигнорировал, вырубившись в ту же секунду, как мы оказались в салоне машины. Вот я и решила, что отвезу его в тот же отель, где планировала провести ночь спонтанного секса мести.

— Эй, Паркер. Эм-м... Тот, что не Питер. Просыпайся!

Тело, прижатое к пассажирскому креслу, не смещается ни на миллиметр.

— Это не просто предательство, — доносится до ушей слабо различимый шепот. — Ты смешала меня с грязью. Ради тебя я... ни с кем не спал до девятнадцати. Думаешь, я не хотел?

Я отдергиваю руку.

Будто знание, что он был девственником до девятнадцати, делает Паркера неприкосновенным.

— Ничего себе откровения.

— Композиция — «С»? Вы унизили мою сущность фотографа...

— Все, я послушала достаточно.

Возвращаю ладонь к его плечу и трясусь, чувствуя, как тяжесть его тела отзывается в моем запястье.

— Паркер, проснись, я не собираюсь сидеть с тобой до утра!

Один глаз приоткрывается, второй нехотя просыпается следом.

— Ты кто? — Паркер щурится, фокусируясь на моем лице.

— Не узнал? О-Рен Ишии.

— У нее темные волосы. — Он с сомнением щурится. — С первого взгляда кастинг провален.

— Голос, смотрю, уже трезвый.

— Я и не был пьяным. — Выпрямившись, мой пассажир отстегивает ремень и оглядывается. — Так, выпил немного. Куда ты меня привезла?

— Выпил так мало, что не смог отличить светлые волосы от темных.

— В клубе было темно. — Пожимает плечами. — Я смотрел не на волосы, а в глаза. Профдеформация.

Его будто подменили за полчаса. В клубе и все то время, пока спал в машине, он казался забавным.

Его слава неисправимого бабника в кампусе передается из поколения в поколение, как городская легенда, но алкоголь и крепкий сон будто временно сделали его... настоящим.

И та версия, которую я сейчас вижу, нравится мне куда меньше.

— Ты правда был девственником до девятнадцати?

Вопрос категории «не мое дело», но я все равно задаю его, предвосхищая реакцию... Джейсона. Все же первое имя мне нравится больше.

За секунду он успевает нахмуриться, сжать челюсти и ухмыльнуться.

— Я похож на того, кто хранил девственность до девятнадцати?

— Если все это время тебя звали Джей Пи Пи, ничего странного.

— Беру свои слова обратно. Кастинг на киллершу ты прошла бы с первых же реплик. Чтобы убить, тебе хватит открыть рот.

После этих слов я осознаю, что действительно могла сделать больно. Не тому Питеру, чью маску он надел на себя сейчас, а Джейсону из прошлого.

Открываю рот, чтобы извиниться, но не знаю, как сделать это, когда извинения искренние.

Почему мне вообще не все равно?

— Прыгай на заднее сиденье, — я бросаю это со злостью на саму себя.

— Зачем?

Поворачиваюсь с уверенностью, что мой взгляд сейчас не выражает ни желания, ни раздражения.

— Собираюсь тебе отсосать. Ты теперь почти трезвый и подходишь для секса на одну ночь.

— Вот так сразу? — слышу голос, полный глупого изумления.

— А зачем церемонии? — Склоняю голову, и в уголке губ играет подобие усмешки. — Ты же решил еще в клубе, что

я маньячка.

— Хочешь... прямо в машине?

— Что тебя удивляет? — В моем голосе вспыхивает раздражение. — Я не знала, что ты так разборчив. Мне казалось, тебя устраивает роль помойки для всех свободных университетских вагин.

— Погоди-ка... — Пропустив вопрос и обидный комментарий, Паркер хмуро вглядывается в мое лицо. — Ты же девушка Спенсера!

Он, оказывается, способен запомнить малознакомую девушку не только по объему груди и длине ног.

— Тебе показалось.

— Не думаю.

— В эту секунду я не девушка Спенсера, а...

— Та-а-ак, кажется, я все понял. — Он тянется через пространство между передними креслами, чтобы окинуть взглядом заднее сиденье. — Где моя куртка?

— На тебе ее не было.

— Ты смеешься? До лета еще два месяца, кто выходит из дома без куртки в апреле?

— Значит, ты оставил ее где-то в клубе. — Пожимаю плечами, поставив точку на теме его куртки, и возвращаюсь к той, что интересует меня куда больше: — Ты сказал, что все понял про меня и Спенсера. Что именно?

Он поднимает голову и шумно выдыхает в потолок.

— Ты с ним поссорилась и решила использовать меня для

мести. Мы проходили это с Милли. Когда она целовала меня на глазах Спенса и половины кампуса. Ты пошла дальше. По крайней мере, она не предлагала мне отсосать.

— Так вы не встречались?

— Да ни секунды. — Он опускает стекло со своей стороны и осторожно высовывает руку. В голосе нет сожаления — значит, я в уравнении Милли-Спенсер-Субин всегда была неудобной, не вовремя появившейся переменной. — Ладно, как-нибудь добегу до гостиницы. Утром «Убер» вызову.

— Не вижу бумажник. Чем ты платить собираешься? И телефон, видимо, тоже оставил в куртке?

Его руки мечутся по передним карманам — пусто. Он, кряхтя, приподнимается и, наконец, вытаскивает телефон из заднего кармана. Постучав по экрану, Паркер тянется к проводу для зарядки в машине Квончжина, примеряет разъем к своему устройству и выдыхает:

— Не подходит. Значит, пойду до клуба пешком.

Он распахивает дверь машины, позволяя холодному воздуху заполнить салон.

Джейсон выходит и походкой, пожалуй, слишком устойчивой для человека, еще недавно едва стоявшего на ногах, делает пару шагов в сторону тротуара.

— Стой! — Я смотрю, как он выпрямляет собранные до локтей рукава пуловера и холодный воздух, ворвавшись в салон, добирается до меня. — Я могу снять номер и заплатить. Просто будешь мне должен. Вдруг твоя куртка уже ста-

ла чьим-то трофеем? Пройдешь полдюжины миль, рискуя замерзнуть или попасть под колеса машины. В итоге все равно будешь ночевать на улице.

Не знаю, что мешает мне предложить подвезти его до дома? Может быть, то, что Паркер сам почему-то не вспоминает о нем?

— Буду тебе должен? — Он оборачивается. — Надеюсь, деньги, а не отсос на заднем сиденье машины?

— Ну, если смотреть на ситуацию в этом ключе, то я бы потребовала отлизать.

Кровь за секунды приливает к шее, но в остальном я все так же невозмутима. Глаза прямо смотрят на собеседника, губы расслаблены, а не сжаты или закусаны.

Джейсон замирает, и его ухмылка медленно тает, сменяясь изучающим взглядом. Думаю, он заметил охриплость, которую я не смогла выдавить из голоса.

— Интересно, — говорит он без насмешки. — На какую сумму закладывается эта... услуга? Чтобы я понимал масштаб своего долга.

— Стоимость номера, — я выдыхаю, отворачиваясь и хватаясь за ручку двери, чтобы поскорее выйти. — Плюс пятнадцать процентов за время, которое я на тебя потратила.

Молчание продолжается, пока я выхожу и захлопываю дверь автомобиля. Нажимаю на кнопку сигнализации и слышу ответ:

— Договорились. Я сделаю это. Но только после того, как

ты уйдешь от своего парня.

И, не дожидаясь моей реакции, он направляется к той самой ярко-зеленой неоновой вывеске.

Глава 4

Субин

— У нас остались только семейные и двухместные номера. — Администратор не сводит глаз с монитора и поправляет волосы.

Ее интерес к Паркеру я разгадала с порога — по взгляду. Но окончательно меня убедила та лихорадочная минута поисков зарядки для его телефона. Зачем все эти автоматы, правда же? Она извлекла кабель откуда-то из-под стойки и протянула ему со словами, что можно вернуть утром.

— Не понял, зачем нам *два номера*? — Паркер прислоняется к стойке.

— Решила составить тебе компанию, — невозмутимо бросаю я.

— Составить компанию — это когда снимают один номер. И я говорил, что не буду спать с тобой, пока ты не бросишь Спенсера.

Короткий взгляд администратора в нашу сторону вспыхивает живым интересом. Я делаю вид, что не замечаю.

— Поэтому я решила снять два. Ты же не выдержишь, если я начну раздеваться.

— Твои слова должны заставить меня... — Он прибли-

жается, сокращая дистанцию между своими губами и моим ухом до нескольких сантиметров. — Хотите еще больше, чтобы ты его бросила?

Меня отвлекает длинный вздох справа и громкий стук по клавиатуре.

— Так регистрировать вас в два отдельных?

— Я не такая богатая, давайте один.

Я достаю карту из сумочки и протягиваю ее девушке.

Та переводит озадаченный взгляд с моей ладони на Паркера, затем снова смотрит на руку и кивает.

— Ты могла поехать домой, — говорит мой сосед на одну ночь.

— В общежитие? Не могла.

— Почему?

— Там соседка ночует с парнем. Я не в настроении смотреть на влюбленные парочки. Не сегодня.

Взгляд Джейсона обещает допрос с пристрастием, но я отворачиваюсь. Не собираюсь переживать унижение снова, рассказывая, как за пару часов до ужина с опекунами поехала к *своему* парню за примирительным сексом и наблюдала за тем, как он покупает цветы *не для меня*.

— Готово. — Сдержанная улыбка администратора вызывает с моей стороны пусть и натянутую, но ответную. — Третий этаж, триста семнадцатый номер. Приятного вечера.

Я могла бы просто поблагодарить девушку, но ее реакция на красивое лицо Паркера подбивает меня на какой-то дет-

ский, не свойственный мне комментарий:

— Постараемся не шуметь.

Развернувшись, я направляюсь к лифту и, когда почти дохожу до него, слышу за спиной:

— Постараемся не шуметь? А тебе... нужно стараться?

Я останавливаюсь и бросаю взгляд через плечо.

— Ты не похож на того, кто облакает пошлые фразы в приличные формулировки.

— Ты громко кончаешь? — тут же исправляется Паркер, возвращаясь к своей предсказуемости.

— Обычно молча. — Что можно читать как *«обычно я не кончаю»*. — Но, если ты сделаешь для меня *исключение*, я не останусь в долгу.

— Я должен трахнуть тебя, пока ты девушка Спенсера? — Паркер возвращается к теме, когда мы оказываемся в лифте. — Тогда ты... *кончишь для меня* громко?

Я возбудилась бы от одного его голоса, будь на такое способна. Вот только возникшая в голове картинка, где я лежу под ним, и он пытается заставить меня кончить привычным для них способом, не вызывает во мне ничего, кроме отвращения.

Я что, реально хотела переспать с кем-то ради мести?

— Громче полицейской сирены, — говорю тем же деловым тоном, будто мы обсуждаем цвет его рубашки, а не то, какой я могу быть в постели.

— Заманчивое предложение, но вынужден отказаться.

Оставшиеся тридцать секунд мы с Джейсоном проводим в молчании, пока добираемся от лифта к двери своего номера.

Между нами нет напряжения, скорее, странное и беспричинное взаимопонимание. Нет, вряд ли он догадался, о чем я недоговариваю, но с ним почти так же легко, как с моей безразличной соседкой.

Оказавшись в номере, Джейсон идет к кровати, и спустя секунду раздумий падает лицом прямиком в одеяло.

— На полу спать не буду.

Я жду, что сейчас будет комедийный храп в продолжение того театра абсурда, в котором мы оказались. Но вслед тишине я слышу не храп, а приглушенные подушкой стоны.

— Голова-а-а.

Он переворачивается на бок и морщится. Глаза закрыты, но даже так видно, что ему больно.

— Не говори, что тебя уже накрыло похмелье?

— Я не знаю, что это, но ощущается так, будто ее придавили камнями. Со всех сторон.

Хочется сказать что-то в утешение, но я не умею.

— Я не ношу с собой аспирин.

— Я разве просил? — с раздражением бросает Паркер через плечо.

— Просто надеюсь, твои стоны боли не станут моей колыбельной на всю предстоящую ночь. Я планировала хорошо выспаться, раз уж заплатила за номер такие деньги.

То, как мне легко парировать каждую его реплику, под-

тверждает открытие, дважды за вечер мелькнувшее в мыслях, — кажется... я ему *доверяю*.

Нет, не в глобальном смысле, который люди закладывают в долгосрочные отношения. Я доверяю ему настолько, насколько можно вообще верить почти незнакомому человеку. Та предсказуемость, что оттолкнула бы меня, живи я обычной жизнью здоровой, почти не травмированной версии Субин из прошлого, сейчас странным образом успокаивает.

— Мы уже поняли, что тебе больше понравились бы мои стоны экстаза. — Обида в его ответе заставляет меня улыбнуться.

— Не знала, что ты такой недотрога. Хотя... Если вспомнить, что ты был девственником до девятнадцати...

— Я не был девственником. — Его голос становится резче, как если бы я ткнула пальцем в свежую рану. — Тебе слышалось.

Не понимаю, что может быть стыдного в сознательном выборе не заниматься сексом. Да хоть до тридцати лет. Будь у меня выбор — остаться девственницей до конца жизни или пройти весь свой путь с самого начала, конечно, я выбрала бы первое.

Поэтому мне тяжело понять его желание отгородиться.

— Хорошо. — Но я принимаю его. — И, даже если когда-нибудь ты решишь, что случайно забыл об этом... я скажу, что беречь себя для любимой девушки — это круто.

Отворачиваюсь и с надеждой выискиваю среди мебели то, что можно использовать как спальное место.

Я только что осознала, что доверяю ему, но спать с ним в одной кровати не стану, даже если между нами будет разделитель из нескольких скрученных покрывал.

Поиски заканчиваются ничем, зато я нахожу в шкафу два стеганых одеяла — пригодятся вместо матраса. Я стелю их одно за другим на полу.

Стенания Паркера прекращаются всего на минуту, пока я не слышу возню на кровати, а следом вопрос:

— Ты серьезно? Будешь спать на полу?

— Ты же не хочешь. — Оглядываюсь через плечо, пока выравниваю края своей будущей постели. — Я проявляю гостеприимство. Станет холодно, заберу у тебя одеяло.

Это не проблема. Пол этого номера — роскошь в сравнении с чердаком, на котором мне приходилось прятаться от нетрезвого опекуна.

— Я пальцем к тебе не притронусь. — В его словах слышно разочарование.

— Знаю. Но все же спать я люблю одна.

— Даже после того, как отсасываешь?

— Тебя так беспокоит упущенный шанс? — Касаюсь губы указательным пальцем. — Предложение еще в силе.

— Обойдусь. — Он встает и без предупреждения стягивает кофту через голову.

Пальцы Джейсона впиваются в пряжку ремня. Раньше,

чем я замечаю, что частота моего пульса сбилась, он направляется в ванную.

— Иди на кровать, я лягу на пол, — бросает, перед тем как захлопнуть дверь.

Мое облегчение разливается в номере медленным выдохом. Хотя и на секунды, но я решила, что он... согласится.

Что бы я тогда делала? Всю эту браваду и самоуверенность подстегивал адреналин, но стоило нам оказаться в гостинице, а мне еще и понять, что он крепко следует каким-то своим почти рыцарским принципам, и я расслабилась.

Я не боюсь вида раздетых парней. Никто *из них* тогда не напрягался, снимая одежду. Мое учащенное сердцебиение вызвал не страх снова быть изнасилованной. Даже инстинкты поверили этому парню.

Я испугалась другого — что, если он подойдет ко мне, а я закачу истерику, то Паркер меня... разгадает.

Когда шум воды в ванной затихает, я закрываю глаза и делаю вид, что уснула.

Паркер выходит и, сделав три шага, бормочет под нос:

— Я же попросил ее лечь на кровать.

Спину щекочет озноб, когда я чувствую кожей опасное приближение. Ночью я всегда становлюсь уязвимее, так как во сне ничего не могу контролировать. Нет, я могу ночевать в одной комнате с другим человеком, только обычно такие ночи бывают бессонными.

— Знал бы, что ты все равно ляжешь на пол, пошел бы

спать в ванную, — сожаление в его словах превращает озноб в слабое покалывание. — А строила из себя соблазнительницу...

Пауза тянется, дыхание Джейсона будто становится медленнее.

— Я что, для вас всех расходник, чтобы мстить Спенсеру? — Тяжелый вздох Джейсона невыносимым образом оседает в моем желудке. — Выходит, я годен только как временное развлечение.

Я замираю. Секунду назад я так же не двигалась и боялась издать лишний шорох. Сейчас я не просто превратилась в статую, а перестала дышать. Сердце все еще бьется, но даже его я не слышу, оглушенная его признанием.

Глаза открываются против желания и того, что говорит мне рассудок. Я поворачиваю голову, готовая встретиться со взглядом Паркера и... пока еще даже не знаю, что собираюсь сделать. Но он успел отвернуться. И в ту секунду, когда я смотрю в его удаляющуюся спину, Джейсон хватается за пояс брюк и быстро стягивает штаны, под которыми...

Зачем я вообще обернулась?

И почему, черт возьми, на нем нет трусов?

Раньше, чем он догадается, что я не сплю, и развернется ко мне еще и передом, я возвращаюсь к тому положению, в котором он меня только что видел, и крепко зажмуриваю глаза.

Сердце в груди барабанит так громко, что я всерьез пе-

реживаю, не услышит ли Паркер, как оно пытается выпрыгнуть.

Прийти в себя мне удастся не раньше, чем через десять минут. Я вспоминаю то, что случайно увидела, и снова зажимаюсь, будто это поможет стереть отпечаток его задницы с моей почти обожженной сетчатки.

«Опасность. Опасность. Опасность», — мечется в панике эмоциональная часть моего мозга. Вторая, рациональная, пусть и не сразу, но объясняет то, почему под одеждой он оказался голым.

Да он же принимал душ, постирал трусы. У него даже куртки с собой нет, где бы он взял смену белья?

Мог бы немного подсушить их феном.

Я тихо фыркаю своим мыслям, но звук получается больше похожим на писк. Меня душит смех. Он нервный, но такой освобождающий, что, оттянув одеяло с нижней половины лица, я позволяю себе сорваться в хохот.

Джейсон, успевший лечь и накинуть покрывало, встает с озадаченным выражением на лице.

Наши глаза одновременно падают к тому месту, где он оставил одежду, и до него, наконец, доходит.

— Тебе повезло, что я уверен в неотразимости своей задницы. Иначе я встал бы и показал еще раз. Тогда бы ты не смеялась, — он старается звучать обиженно, однако я слышу, как смех в этой комнате душит не только меня.

— Прости. — Я поднимаю руки, соглашаясь. — Столько

всего произошло за последние часы. Кажется, это истерика.

— Понимаю. — Он улыбается, но глаза остаются серьезными. — Я бы тоже смеялся от счастья, если бы увидел такое в конце тяжелого дня.

— Спасибо, я оценила, — никак не могу успокоиться и в этот раз прикрываю хохочущий рот прилетевшей в меня подушкой. — Эй! Бросишь подушку еще раз, и я вспомню твою детскую кличку!

Вторая подушка замирает в воздухе, пока Джейсон хмурится и следом щурит глаза.

— Я разве называл свою детскую кличку?

— Джей Пи Пи?

Он не говорил, что это кличка, но на самом деле об этом несложно догадаться.

Он осторожно кивает.

— Значит, угадала. — Я пожимаю плечами и возвращаю голову на подушку, только в этот раз мое лицо повернуто к Паркеру.

Стерев улыбку с лица, тихо спрашиваю:

— Тебя это задевает?

— Не очень. Есть вещи страшнее детского прозвища.

— Согласна, — произношу еще тише, надеясь, что он не услышит.

— Ты же сейчас не об измене Спенсера?

Все-таки услышал.

— Я даже не знаю, была ли измена. Вдруг там не дошло

до секса?

— Но, кажется, для тебя это хуже, чем секс.

Я передергиваю плечами. Не знаю. Всего час назад я была уверена, что хоть и не люблю Спенса, его чувства к Рамирес — очередное предательство. Сейчас эта боль напоминает тупое лезвие — царапает, но не до глубоких ран.

— Если бы это была твоя девушка, какое предательство ты простил бы легче: измену чувствами или измену телом?

Джей замирает, переставая дышать, и перед тем, как продолжить, шумно проталкивает ком в горле.

— Для вас это одно и то же.

Готова поспорить. Не в моем случае. Для меня секс и чувства давно не живут в одной плоскости. Мозг не помнит, когда я вообще занималась им, чувствуя что-то к партнеру. Секс исчез из моих отношений со Спенсером, когда я поняла, что, возможно, испытываю к нему какие-то чувства, отдаленно похожие на привязанность.

Только все мои аргументы остаются при мне. Джейсон резко накидывает на плечо одеяло, кутается плотнее, будто ему холодно, и закрывает глаза.

— Добрых снов, О-Рен Ишии. Позвони, когда порвешь со Спенсером.

Вопреки желанию, я снова улыбаюсь.

— Пак Субин.

— Это намного лучше, — отзывается он из-под одеяла, натянутого на голову. — Добрых снов, Пак Субин.

— Добрых снов, Джейсон Паркер.

Глава 5. Столкновение

Сеул, 2020 год

Субин

Быть единственной дочерью старшего сына одного из богатейших людей Южной Кореи в моем случае — это скорее проблема, чем привилегия.

— Не забудь посуду помыть, — сухо бросает мама, доставая контейнер с кимчи из холодильника.

Дверь верхней камеры хлопает, и приклеенный на нее стикер не спеша планирует на ковер.

— Не жа-абуду, — коверкаю слово с набитым ртом, попутно пытаясь ей улыбнуться.

У нее не так много поводов для радости в последнее время. Папа снова бросил работу, в этот раз за неделю до конца стажировки. Говорит, что скорее умрет за рабочим столом, чем дождется повышения.

А вообще, кто-то умирает, работая в офисе пять дней в неделю по шесть часов?

— Папа дома?

Мама подносит палец к губам и оглядывается.

— Он уснул после десяти и не выспался.

Пожимаю плечом и киваю — ну ладно. Правда, мы с ней обычно ложимся после двенадцати и встаем раньше семи.

Просто папа — добытчик в семье. Иногда. В лучшие времена. В худшие — мы выживаем на те подачки, которые отправляет папе его отец.

Пак Гихун для меня не дедушка. Хотя это и он устроил меня в элитную школу по просьбе отца.

Мы с мамой — не та семья, которую он хотел бы для сына. Лет до шести, пока мы жили в Штатах, я не знала, что он существует, и все было отлично.

Весь оставшийся завтрак проходит в молчании. Когда я подхожу к раковине, чтобы помыть посуду, краем взгляда цепляю изображение на электронных часах.

— Я опаздываю, — цокаю, на ходу расстегивая пуговицы рубашки и закатывая рукава.

Включаю воду в полную мощность и секунды спустя к шуму напора прибавляется грохот посуды.

Звук тяжелых шагов раздается почти сразу.

Дверь распаивается. Боковым зрением я улавливаю макушку отца, но не успевает он рывкнуть, как мама выходит из ванной.

— Я просила быть тише, Субин!

Подарив все внимание пене, в которой купаются чашки, я стараюсь не пропускать через себя их настроение.

— Либо мою посуду как можно быстрее, либо опаздываю в школу. В Чхонволлен это разрешено только избранным. Я

в их число не вхожу.

Отец безгласно морщится, будто я и не дочь вовсе, а постоянное напоминание о его главной ошибке.

Я выбегаю из дома за двадцать минут до начала урока. Нет времени ждать автобус, поэтому мне приходится со всей прыти нестись по улицам.

Наша многоэтажка с муниципальным жильем стоит в нескольких улицах от Ханнам-дона, где и находится школа.

До ворот Чхонволлен добегаю за пять минут до звонка. Только здесь вспоминаю, что в спешке забыла забрать контейнер с едой. Значит, буду сегодня голодной. Не потрачу же я карманные деньги на школьный обед, когда папа снова безработный.

Среди всех, кто идет по двору в сторону трехэтажного здания школы, я единственная, кто бежит, то и дело поглядывая на часы. Никого не волнуют ни опоздания, ни оценки и шанс оказаться среди исключенных.

Я как бурая рисинка в полном мешке круглого белого — слишком сильно бросаюсь в глаза. Даже в форме, такой же, как у других, кажусь лишней.

— Эй, Субин, ты куда так спешишь? — слышу запыхавшийся голос.

Смотрю вправо, и первое, что я вижу — короткие сиреневые волосы.

— Мы опаздываем на урок.

Впрочем, у Наён в среду первая литература.

— Яопаздываю, — исправляюсь.

— Ты придешь на факультатив пхансори⁴?

Дверь в здание школы уже близко. А оттуда пройтись метров сто — наш кабинет третий от выхода.

— Посмотрим, — приглаживаю подруге непослушные волосы и с улыбкой подмигиваю, прежде чем нырнуть в здание.

— Тогда встретимся на перерыве! — слышу следом голос Наён. — Я пока подожду Ингука!

Бывший парень Ингук, с которым они умудрились остаться друзьями после разрыва. Наён думает, дружба поможет его вернуть. Я поспорила бы, зная его непостоянство, но с подругами о парнях не спорят.

За минуту до звонка в классе нас всего шестеро. Я могла бы сидеть в самом конце, как и все изгой, но мой средний балл в первой тройке, а для учителей — это повод пересадить меня ближе.

— Эй, Субин, — доносится с первого ряда голос Сыльги. Взгляд при этом прикован к учебнику по математике. — Сколько баллов ты набрала по английскому?

— Девяносто четыре. — Я бросаю рюкзак на парту.

За спиной кто-то сдавленно смеется и Сыльги оборачивается.

— Плюс один, Рю Сыльги. У тебя девяносто три.

⁴ Пхансори (###) — это уникальный жанр корейского традиционного музыкально-драматического искусства, в котором один исполнитель (квандэ) под аккомпанемент барабана (бук) рассказывает эпическую историю, используя пение (сори), речитатив (аним), речь и драматическую жестикуляцию.

— Ты захлопнешься или помочь? — Взгляд Сыльги молча прожигает Сонхо.

— Пощадите, Ваше Величество! — дурачится он.

— Нам Сонхо, вам, как всегда, весело. — В класс заходит учитель. — Видимо, хорошо подготовились?

— Дважды прочитал, сонсенним⁵! Интегралы — лучшее, что я изучал в математике!

— Не сомневаюсь. Только я задавал дифференциальные уравнения.

Класс оживает. Сыльги, сдерживая смех, смотрит с притворным сочувствием на одноклассника.

Я сказала отцу, что в нашей школе можно опаздывать только избранным. Но у нас есть учитель Ким — математик, которого не волнуют богатые родственники, связи и даже оценки.

С опоздавшими у него разговор один — после уроков уборка спортзала.

И сегодня туда отправится дюжина опоздавших *везунчиков*.

С ним не спорят, даже дети очень богатых родителей. Математик — один из лучших учителей в Сеуле в подготовке к Сунын⁶.

⁵ Сонсенним (с-сэм)— это уважительное обращение в корейском языке, которое переводится как «учитель». Оно используется для демонстрации почтения к профессионалам, особенно к преподавателям

⁶ Сунын (кор. ##, сокращенно от #####) — это единый государственный экзамен в Южной Корее, который сдают выпускники школ для поступления в

— А сейчас, — начинает учитель за семь минут до конца урока. — Я раздам вам итоги контрольного теста. Результаты пойдут в школьный рейтинг.

Класс заполняется нарастающим гулом.

Сыльги, выпрямив спину, ждет оглашения баллов. В списке она первая — как и в школьном рейтинге.

— Рю Сыльги. Девяносто семь.

— Эй, Сыльги, беру свои слова обратно! — выкрикивает Сонхо с предпоследней парты. — Лучшая!

Она вскидывает подбородок и с надменной улыбкой принимает поздравления.

Разговоры в классе продолжаются, а учитель смотрит на меня.

— Пак Субин.

Пауза затягивается. По ногам, от коленей до пяток, спускается разочарование.

Неужели, я тест провалила?

— Девяносто девять!

«Тук-тук-тук», — слышу отчетливо в тишине, заполняющей класс.

Стук чего раздается в моей голове — тех часов, что висят прямо над доской, или моего сердца?

Девяносто... *девять*?

— А такое вообще возможно? — нарушает молчание кто-то из ребят.

— Ну, как видишь, — второй голос, принадлежит Мира, лучшей подруге Сыльги.

Поздравлений, в отличие от Сыльги, я не получаю.

Это было бы странно: с первых дней здесь ко мне относились подчеркнуто снисходительно.

Нищенка Пак Субин, так и не признанная официально внучка корейского медиамагната.

В Чхонволлен очень много детей из богатых семей. Неприлично богатых семей. Но никто их них не стоял на одной ступени Пак Гихуном. Я была для одноклассников чхонсо-чжея — отпрыском голубых кровей в самом унижительном его значении. Как сказала бы Рита, моя подруга, — разорившаяся аристократка.

— Сыльги, ты теперь ниже Субин в рейтинге? — вмешивается еще один голос. — Английский, теперь математика. На корейской литературе вы шли вровень.

Взгляд Сыльги опускается и замирает в одной точке на тетради.

А я чувствую, как безопасно было на третьей строчке.

Я иду в сторону туалета, на ходу просматривая сообщения. Прохожу коридор до конца и сворачиваю к переходу между корпусами, когда чувствую на плече чью-то руку, а затем и ладонь на губах.

— Т-с-с.

Тело вздрагивает от едва уловимого шепота.

— Все-таки вырвалась, Субин?

Я узнаю его голос и, улыбнувшись, разворачиваюсь.

— Дохен!

Я обещала себе, что не буду вешаться ему на шею — особенно после случившегося в прошлую пятницу — но трудно сдерживаться, когда видишь его вживую.

Это случается реже, чем мне хотелось бы. Да, в школе многие догадываются, что мы вместе, но в глазах большинства мы с Дохеном — классический мезальянс, у которого нет будущего. То, что может стать еще одним поводом для насмешек в мою сторону.

И не то, чтобы мне не плевать. Это Дохен пытается убедить меня от разговоров, пока мы учимся в этой школе. После выпуска мы планируем поступать в один университет. Наученная историей матери и отца, я не сильно надеюсь на наше с Дохеном счастливое будущее, но зачем смотреть так далеко?

У нас слишком много времени до тридцати, чтобы думать о свадьбе и совместном будущем.

— У тебя последний урок?

Он наклоняет голову к моей шее, целует и перемещается выше по линии подбородка к щеке.

— Н-нет. — Я сжимаю губы, сдерживая звук, похожий на всхлип. — Есть еще факультатив по пхансори.

— И зачем он тебе?

В вопросе Дохена угадывается пренебрежение. Тугой узел скручивается в солнечном сплетении, но я стараюсь его игнорировать.

— Ты же поступаешь в Высшую школу бизнеса и управления. Кого там волнует твое умение петь песни?

— Ну, во-первых, это не просто песни. Во-вторых, я поступаю в Школу искусств.

— То есть. — Руки Дохена медленно отпускают мои плечи. Он отстраняется на ничтожные сантиметры, но расстояние между нами пронизывает холод. — Как это, Школа искусств? Ты разве не...

— Что?

— Ничего... Просто это странный выбор для...

Я свожу брови, хмуро вглядываясь в лицо своего парня.

— Для такой умной девушки, как ты, Субин.

— То есть, по-твоему, в искусство идут одни дураки?

— Я этого не говорил.

— Тогда как это понимать? — Упираюсь ладонью в бок, наклоняя голову в ту же сторону.

— Да никак. Забей уже, — он отмахивается и тянет меня в направлении соседнего корпуса.

Мы минуем проход, сворачиваем в сторону туалета и шагаем мимо — к лаборатории и старой библиотеке, закрытой на время ремонта.

— Что мы делаем? — Озираюсь, пока Хен что-то ищет в кармане брюк.

Вскоре в его руке оказывается ключ, отпирающий дверь той самой библиотеки.

— Пропускаем уроки.

Выражение на его лице меняется, когда мы оказываемся внутри слабо освещенной комнаты.

Ни следа от прежней осторожности, мягкости и спокойствия. Взгляд Дохена — кипящий вулкан. Даже отблески падающего в окна света — красновато-оранжевого оттенка, который напоминает лаву.

Не обжечься бы, Пак Субин.

То, что наш первый раз был не в дешевом мотеле, а в его комнате, пока родители Хена были в отъезде, значит не так много, как мне хотелось бы думать.

— Моя девочка, — шепчет он, прижимая меня к стене возле двери.

Его руки привычно находят подол моей юбки.

Мы уже проходили это. Задолго до первого секса у него дома, в кровати, он не раз делал то же самое во время наших свиданий. Задние ряды кинотеатров, в темноте, где никто не видит. Колесо обозрения. Его машина. Иногда мне кажется, что он черпает вдохновение в самых клишированных сценах из фильмов.

Бедра в ту же секунду пронизывают мурашки, только я еще не поняла, возбуждение это или что-то другое — не такое приятное.

— Ты уже течешь для меня, Субин?

Кажется, пока... нет.

Его пальцы скользят под ластовицу трусов с привычной настойчивостью, делая все возможное, чтобы ускорить *правильную* реакцию моего тела.

Дохен знает, что делать. Мое тело как идеально настроенный под него инструмент. Он всегда знает, как правильно меня касаться, чтобы я наконец расслабилась. И, когда приходит то самое ноющее ощущение в низу живота, я забываю на время о холоде и отстраненности, которая ему предшествует.

Ты все делаешь правильно, Хван Дохен.

В те моменты, когда ты заставляешь меня забыть обо всем и закрыть глаза, поддаваясь этим ощущениям, я выкидываю из головы все проблемы, концентрируясь на происходящем между ног.

— Да... — судорожно всхлипываю, прижимаясь к шероховатой стене.

— Умница, — он скользит по моей щеке свободной ладонью, утыкается пальцем в рот и настойчиво проталкивает его между губ.

Поддаюсь, разжимая зубы, и веду языком по шершавой поверхности. Его пальцы соленые, с привкусом сигарет. К счастью, я не испытываю отвращения к табаку, и вполне понятные поступательные движения пальцев Дохена вызывают скорее исследовательский интерес.

Я не знаю, сколько проходит минут, прежде чем его руки,

оставив меня в покое, устремляются к пряжке ремня.

— А теперь попробуем кое-что новое.

Я распахиваю глаза и за доли секунды чувствую, как волна вожделения отступает, оставляя меня открытой перед неуютной правдой.

Он действительно это сказал? *Попробуем кое-что новое?*

Новое — это то, что мы с ним даже не обсуждали. Мне казалось, партнеры должны обговаривать это друг с другом?

Передернув плечами, я отхожу в сторону. Руки Хена застыли, тело окаменело следом. Напряжение с его плеч передается к шее, а затем отражается и на лице.

— У-ф-ф, — медленно выдыхает он, опуская руки. — Что не так?

— Я не могу... — отступая в сторону полук, заполненных старыми книгами, неопределенно взмахиваю ладонью, — так.

— Как?

— Не в таком месте и не сейчас.

— А когда?

— Я не знаю.

— Все пары это делают, Субин, — раздражение в его голосе тут же сменяется жалостливыми нотками.

— Ты присутствовал? Так уверен, что все? Даже те, у кого первый раз был неделю назад?

— Даже те, у кого еще не было первого раза!

— Сомневаюсь, — я стою на своем, скрещивая перед со-

бой руки.

— Как можно не хотеть человека, которого любишь? Разве любовь — это не то, что стирает даже безгливость?

«Тогда, может, покажешь, как любишь меня и опустишься на колени первым?», — вспыхивает мысль, которая одинаково и пугает меня и заставляет чувствовать себя увереннее.

— Или ты не любишь меня?

Я не знаю...

В глазах Дохена я читаю что-то похожее на обиду и боль. Или мне просто хочется так думать?

— Люблю, — машинально слетает с губ.

— Тогда...

— Дай мне время. Будем подходить к этому постепенно, ладно? Я не знаю... Может, сначала попробуем совместный душ. Ванную. Сделаем это в презервативе.

— То есть ты все-таки безгуешь? — Губы Хена презрительно дергаются.

— Я не знаю, Дохен. Я никогда не пробовала и боюсь, что, если мне не понравится в первый раз, это все испортит. Навсегда. И еще... я хочу быть уверенной в себе. Чтобы ты... тоже не испытывал отвращения, когда будешь меня... там.

Брови Хена на мгновение приподнимаются. Он не комментирует, только прячет улыбку в сжатых губах.

— Ладно, — как-то быстро сдается он, отступая в сторону и давая мне чуть больше пространства.

— Говоришь, у тебя факультатив по пхансори? Прово-

дить?

Наклонив голову, я с недоумением морщу лоб.

— Что, если нас увидят?

— Да плевать, — отвечает самоуверенно, хоть глаза выдают испуг.

— Не бери в голову, доберусь сама, — улыбаюсь и, схватив его за руку, тянусь за поцелуем, прежде чем выйти из кабинета.

В коридоре будто бы стало темнее за то недолгое время, пока мы были внутри. Мы выходим, Дохон воровато оглядывается и закрывает двери. Попрощавшись коротким объятием, мы расходимся.

Хен идет в сторону физкультурного корпуса, я собираюсь свернуть к кабинету, где нам преподают пхансори. Сделав пару шагов, вспоминаю, что до конца урока осталось время и мой рюкзак все еще в классе.

Когда я заворачиваю за угол, проходя мимо туалетов, у двери в женскую половину сталкиваюсь с Сыльги.

Наши взгляды встречаются на секунды, но хватает и этого времени, чтобы я успела заметить покрасневшие белки глаз и припухшие веки. Я, смутившись, скольжу взглядом вниз. Быть пойманной в слезах — это явно не то, что сейчас хочется моей однокласснице.

Под левой ноздрей Сыльги я замечаю крошечное пятно белого цвета и, не сразу сообразив, что это может быть, машинально трогаю свой нос.

— Ты испачкалась.

Она округляет глаза и хлопает ресницами. Отвернувшись, достает телефон из кармана и быстрым движением стирает следы.

Я могла бы и не придать этому значения — по наивности, неискренности, вере в лучшее. Но Сыльги своей слишком острой реакцией явно показывает, что пятно — это не безобидная пудра с эффектом отбеливания, не пена для умывания или зубная паста, а кое-что... другое. Возможно — менее законное.

Уже через пять секунд Сыльги возвращает ко мне взгляд, только теперь в нем не страх, а... неприкрытая ненависть. Если после объявления результатов по математике она умело ее прятала, то после увиденного мной минуту назад, ей незачем скрывать.

Она не произносит ни слова, чтобы попытаться хоть как-то передо мной оправдаться. Вместо этого она устремляет взгляд в темноту за моей спиной, затем переводит его в противоположный конец коридора, где все еще неторопливо шагает Дохен, и губы Сыльги медленно расползаются в понимающей ухмылке.

Вот только я, в отличие от нее, не впадаю в панику. Она ждет от меня другой реакции, но, видимо, по выражению моего лица догадывается, что таковой не будет.

Следующее, что делает Сыльги — кивает на мою юбку. Не опуская взгляд, дергаю за подол, немного задравшийся

сбоку. Расправив плечи, как это сделала она утром на математике, я с абсолютным спокойствием прохожу мимо и направляюсь в класс.

Глава 6

Бостон, 2024 год

Паркер

«Ты ничего мне не должен. Пусть платой за номер будет молчание. Мы, как и раньше, знакомы не ближе, чем позволяет общая связь со Спенсером и Рамирес. Субин».

Всего одно сообщение, и О-Рен Ишии — Пак Субин поставила точку на нашем знакомстве.

Как она узнала мой номер? В кампусе он, кажется, и правда — общественное достояние.

«Джейсон Паркер — помойка для всех свободных университетских вагин», — это ее слова, и я помню их лучше, чем мне хотелось бы.

Голова все еще прижата к подушке. Я боюсь, что, стоит мне только подняться с постели, и похмелье снесет меня с ног разрушительной силой.

Но вставать все равно нужно: у меня не закончился переезд, собраны не все вещи, я не знаю, где моя куртка, ключи и бумажник. А еще не отправлено сообщение, запланированное на прошлой неделе, — три слова, которые стоило сказать

при встрече четыре года назад.

Булькающий рингтон заставляет вновь потянуться к телефону.

*«Ронни: *прикрепленное фото* Твоя куртка? Бро, пожалуйста, просто скажи, что да... Я не знаю другого Джейсона Питера Паркера во всем Бостоне».*

«Я: Все нормально. Спасибо, что не оставил в клубе. Я в неадекват был, когда уезжал. Заберу через час. Ты у себя?»

«Ронни: Ухожу после одиннадцати, как раз успеешь».

«Я: Ок».

К полудню я успеваю не только забрать вещи у Рона, но и получить второй экземпляр ключей от бывших жильцов.

Квартира на Келтон-стрит крошечная в сравнении с той, что мы с братом снимали последний год, но, думаю, я вырос достаточно, чтобы наконец отпочковаться и попробовать жить без всевидящего ока старшего.

Старшего, черт возьми. Несколько минут разницы, а горора столько, как если бы мы родились на стыке двадцатого и двадцать первого веков.

Я мог забрать все коробки еще в прошлый раз — место в багажнике позволяет. Но Джейк проводил выходные в гостях у родителей Кристен, а я не хотел уезжать вот так резко, не предупредив о переезде и даже не попрощавшись.

Какими бы сложными ни были наши отношения в последнее время, я так и буду считать его самым близким другом. Пусть эта дружба дала первую трещину после того, как я единственный не оправдал ожиданий семьи.

Когда я вхожу в квартиру и бросаю куртку на полупустую полку для обуви, Джейк, хмурый и напряженный, появляется у порога своей комнаты, скрестив руки.

— И где все вещи? Что за, на хрен, коробки?

— Переезжаю.

Визит будет еще короче, чем я рассчитывал — по крайней мере, брату ничего не нужно объяснять.

— Ты собирался предупредить, что переезжаешь? С каких это пор тебе мало места? Мы с Кристен чаще тусуемся у нее.

— А я хочу тусоваться один.

Вот так вот все просто. Оказывается, легче чем это только найти очередную девушку для двух недель.

— В чем твоя проблема? — Джейк повышает голос. — Обижен, что у меня все хорошо с Кристен? Из-за своей Линды?

Это он сказал зря.

— Она не моя, — сцепив зубы, крепко сжимаю челюсть.

— Ты с ней до сих пор не развелся! Боишься, что встретишься с этой сукой, и все вернется?

— Джейк.

Он замолкает всего на секунду, достаточную, чтобы я вспомнил, чем закончился наш последний разговор о Линде.

— При чем тут Кристен? — не унимается он. — При чем тут вообще все женщины мира, если тебе не повезло с одной?

— Да завали уже, — отзываюсь устало. — Я хочу просто уйти.

— Я простил тебе даже то, что ты копал под мою девушку.

Слова другие, но в голосе Джейка то же, что и год назад: «Ты — проблема. Предатель. Ломаешь все, к чему прикасаешься».

— И Кристен не рассказал, чтобы она не смотрела на тебя, как на больного.

— Одним меньше, одним больше.

Передергиваю плечами и прохожу мимо Джейка, чтобы забрать оставшиеся коробки. Шаги брата следуют за мной, когда я захожу в теперь уже бывшую комнату.

— Ты, мама, папа, даже Диана, которой тогда было восемь. — Я поднимаю коробки разом, и, несмотря на размеры, они не кажутся мне тяжелыми. — Каждую встречу семья смотрит так, будто я зверушка в приезжем цирке — жалко, но, черт побери, так любопытно.

Делаю паузу, давая брату возможность высказаться. Но он

молчит, только сжатые челюсти делают профиль Джейка острее.

— Это же вы не даете забыть мне, как я облажался. Ваше сочувствие — напоминание о моей неудаче. Я не мужчина, а тряпка. Просто слепой, который не замечал очевидных вещей.

— Это не наши слова, не выдумывай.

— Джейк.

Последний рывок — я крепко хватаюсь за край нижней коробки, делаю два шага и замираю. Пару мгновений в квартире не слышно ни звука.

— Напомню: ты знал, что Линда *общалась* с парнями из школы. Причем, не с одним.

Джейк опускает взгляд на мои пальцы, вцепившиеся в картон.

— Двое из них так вообще были твои друзья. Но ты молчал, вместо того, чтобы вовремя вправить мне мозги.

Поникнув, брат тянет руки к коробкам и кивает на мою куртку.

— И ты решил вправить их вовремя мне? — уже спокойнее спрашивает он.

— Возможно. Я рад, что ошибся.

Я грузю коробки в багажник, хлопаю дверцей и замечаю фигуру, мелькнувшую на балконе третьего этажа. Джейк молчит. Я сажусь в салон, но не завожу мотор.

Тишина после криков в квартире кажется оглушающей. То, что с утра я идентифицировал как похмелье, превратилось в тупую пульсацию в висках.

Я касаюсь руля влажными ладонями и роняю голову на руль. Взгляд цепляется за пустое пассажирское кресло. Может, и его стоило загрузить коробками?

Было время, когда у переднего кресла моей машины был один, никем не заменимый пассажир. Я был слишком глуп, молод и слишком влюблен. Место, всегда занятое даже в отсутствии той, для кого оно предназначено, — лишь еще одно доказательство, что я был слепым имбецилом.

Хватит, Паркер. Ты настрадался достаточно.

Нужно взять себя в руки и прекратить.

Первое, что я делаю на пути к этой цели — открываю черновик сообщения для контакта Линда. Ставлю в конце предложения точку и отправляю.

«Я: Давай, наконец, разведемся».

Глава 7

Субин

«Давай расстанемся...», — крутятся в мыслях мои же слова, пока я еду домой в старом такси, пропахшем ментоловыми сигаретами.

Расстаться раньше, чем тебе укажут на дверь — в этом я преуспела больше, чем в выборе парней.

Спенсер, хоть и оказался лучше всех предыдущих, но ждал нашего разрыва так же — больше остальных. Иначе я не услышала бы в ответ: «Тебе не кажется, что мы давно не встречаемся?»

Он говорил, а я смотрела только на его губы — единственное, что, возможно, любила в нем.

Я так хотела почувствовать их по-настоящему, прежде чем уйти. Не целовать, а кусать с животным отчаянием, чтобы убедиться — все это было на самом деле... Что я действительно его бывшая девушка. У нас была близость, а не картинка, которую я наблюдала со стороны.

Мне так хотелось всего этого, что я полезла в карман сумки. Таблетки исчезли оттуда месяц назад.

Значит, я все сделала правильно...

Он прав, мы давно не встречаемся.

В последний раз мы были похожи на пару, когда нас позвали на ужин его друзья — Сэм и Алекс. Задолго до этой встречи мы с ним почти перестали общаться вживую. А секс... У нас его не было несколько месяцев.

Огни вечернего Бостона мелькают в запотевшем стекле, и я рисую на нем хаотичные символы. Если приглядеться, из них складываются слова: «боль», «слезы», «ненависть».

Я как шаман, призывающий чувства, которые никак не приходят.

Где ненависть, Пак Субин? Ты же должна хотя бы его презирать, черт возьми!

Но пустоту между ребрами заполняет песок — зыбкая, неудержимая пыль, которая не оставляет пространства для правильных чувств.

В руке крутится телефон, пока я жду ответ от соседки, останется ли она сегодня на ночь у бойфренда. Наше негласное правило последних месяцев — не приводить парней в общежитие два дня подряд. Пока что оно работало без огорок. Надеюсь, сегодня все будет так же и мне не придется озвучивать это правило, превратив его в ультиматум.

«Джеки: Не парься! Зови своего красавчика;»

Расслабившись после ответа соседки, я крепче жмусь к сиденью, опускаю веки и нехотя возвращаюсь мыслями к Спенсеру. Но перед глазами встает не лицо этого красавчика,

а коротко стриженный затылок и шея *другого*. За шеей идет спина — воспоминания в точности повторяют путь, проделанный моим взглядом минувшей ночью. И прежде, чем распахнуть глаза, я вижу его обнаженный...

О, Боже, я что краснею? Опять?

Моргнув, смахиваю наваждение и прижимаюсь лбом и ладонью к стеклу.

Паника отступает, а в голове моим голосом звучат чужие слова:

«Как можно не хотеть человека, которого любишь? Разве любовь — это не то, что стирает даже брезгливость?»

В первые месяцы отношений со Спенсером слова Дохена были для меня путеводной нитью. Я делала все, чтобы убедить себя в том, какими должны быть отношения между влюбленными.

Толкала себя к близости, подавляя приступы «витаминами».

Спенс понял не сразу, что я ничего не чувствую во время секса. Я хорошо притворялась, но вскоре необходимость в этом исчезла — он так же, как я, мыслями был где угодно, только не в нашей постели. Мы оба были пусты и оба делали вид, что в порядке.

И, может быть, я так и думала бы, что это нормально, пока прошлой ночью не услышала то, что меня не касалось. Признание парня, в чьей уязвимости я увидела искаженное отражение собственной слабости.

«Зачем ты так со мной, Линда? Я не прикасался к тебе до свадьбы, не потому что не хотел этого. Я слишком сильно любил», — он произнес это с горечью. Шепотом и во сне.

Он не касался, а я заставляла себя это делать. И каждый из нас искал собственный способ заслужить любовь.

Именно в тот момент я поняла, что засыпать с ним в одной комнате — безопасно.

Я окунулась в необходимую мне тишину, как только переступила порог общежития. Хотя мы с Джеки занимаем отдельные комнаты с общим коридором, здесь нет ощущения уединения из-за тонких стен. Поэтому дни, когда я остаюсь одна, особенно ценные.

Усталость накатывает на тело и мысли одновременно, стоит мне только прилечь на кровать. Я делаю это прямо в верхней одежде. Нет сил ни на душ, ни на полноценный ужин.

Хочется просто закрыть глаза и ни о чем не думать. Пусть на короткое время песок из груди просочится еще и в голову. Было бы здорово.

Но идеальную, почти оглушающую тишину прерывает звук входящего сообщения.

«Рита: Субини-бамбини, не говори, что ты спишь».

В моем подавленном настроении проскальзывает хоть какой-то просвет. Улыбка дается с трудом, но я никогда не смогла бы читать сообщения Риты с кислым лицом — пусть

она и не видит его.

Мы познакомились с ней в младшей школе и притянулись друг к другу с первых минут, будто сразу почувствовали, что произошли из одной формулы.

Ее отец — бедный парень, который полюбил богатую девушку и сделал все, чтобы рядом с ним она была королевой.

Мой — старший наследник конгломерата, который назло отцу взял в жены бедную. Растратил все, распродал недвижимость, принадлежавшую ему до свадьбы. И объявил, что спустился с вершины на дно.

Формула одна, только разные переменные.

«Я: Спасибо, что не “пингвини”».

«Рита: А-ну не пиши на хангыле! Да, я когда-то училась в корейской школе, но ты же помнишь, что я всегда была отстающей? Хочешь, чтобы я сообщения по три минуты читала?»

«Я: Но ты же пишешь кириллицей. Почему я не могу на хангыле?»

«Рита: Это для практики. Через шесть лет моему младшему исполнится восемнадцать. Мы договаривались, что ты пошлешь всех поклонников к черту и выйдешь замуж за нашего Диму».

«Я: Ты тоже мечтала вернуться в Сеул и выйти замуж за половину парней из моей школы».

«Рита: Больше не мечтаю».

Всего три слова, но смысла не меньше, чем в тысячах сообщений, что Рита писала мне те несколько месяцев, пока моя жизнь проходила все стадии стихийного разрушения.

Я знаю причину, хоть не считаю, что моя подруга должна была поставить крест на всех корейских мужчинах из-за нескольких отличившихся.

Впрочем, понимание этого не помешало когда-то перечеркнуть для меня вообще всех мужчин.

«Я: Знаешь, что ты самая лучшая?»

«Рита: Знаешь, что я люблю тебя?»

«Я: Знаю».

«Рита: Ну... а ты меня?»

«Я: Не поверишь, сегодня я пыталась понять, любила ли хоть кого-то по-настоящему за всю свою жизнь»

«Рита: И? Ты меня не вспомнила??!»

«Я: Нет».

«Рита: Ну хоть бы сделала вид...»

«Я: Я думала о парнях. Безусловная любовь к подруге не считается».

«Рита: Подруге? Фу, Субин. Мы же сестры!»

Я улыбаюсь, глядя в экран. Пальцы зависли над клавиатурой.

Сказать или нет?

Быстро печатаю, стираю и набираю снова.

«Я: Рита, я его бросила...»

Молчание. И даже танцующих точек нет. Только две галочки — сообщение прочитано.

Проходит целая вечность, пока она начинает писать.

«Рита: Того мистера “маленький член”?».

«Я: Нет. Маленький член был три года назад. Он тогда сам меня бросил».

«Рита: Когда решил компенсировать маленький член крепкими яйцами, но облажался».

Я посмеялась бы, но слишком свежи воспоминания о той моей первой попытке казаться нормальной.

Это было до учебы в университете. Мы познакомились с парнем, он так же, как я, проходил терапию. Я думала, мне будет легче с тем, кто понимает, что со мной происходит.

Но ничего не вышло. Точнее, вышло под препаратами. У нас с ним было несколько раз, но когда я решила, что справлюсь без них, то... чуть не убила его. Рефлексы сработали раньше, чем разум и умирающее либидо.

«Я: Я бросила Спенсера».

«Рита: Танцора?»

«Я: Да».

«Рита: Надеюсь, он плакал?»

«Я: Да нет. Станцевал».

«Рита: Ты это серьезно?»

«Я: Ну не заплакал же!»

«Рита: Ты не шути так. Я собиралась билет покупать. Владивосток-Бостон. С тремя пересадками. И думаю, ты догадываешься, что я это сделала бы».

Я не догадываюсь, а знаю точно.

Еще вчера я, возможно, ответила бы, что скучаю и очень хочу увидеться. Во мне горело желание сжечь все к чертям — счастье Рамирес и Спенсера, мое унижение и всю эту картинку, в которой мне не нашлось места.

Сегодня желание исчезло, а внутри тишина и понимание: билет Риты был бы моим криком о спасении. Вот только спасти меня... не от чего.

«Не надо билета, — печатаю я.— Я написала, не что-бы поплакаться. Просто хотелось, чтобы ты мной гордилась :)»

И снова молчание. Снова прочитанное сообщение без пляшущих точек. Пока через три с половиной минуты мне не приходит послание на безупречном хангыле:

«Рита: Субин-а...»

«Я ТАК ГОРЖУСЬ ТОБОЙ»

Глава 8

Паркер

— В последнее время я вижу тебя в кампусе чаще, чем своего парня, — вздыхает Сэм, прислонившись к подоконнику.

В этом семестре мы с ней действительно видимся часто — предметы разные, но несколько раз в неделю наши занятия проходят в одних корпусах или соседних аудиториях — как сегодня.

— Уже надоел?

— Скорее, бесит, что Алекс слишком загружен. Учеба — работа, учеба — работа. Когда он свободен от первого и второго, загружена я.

— Так не работайте, — пожимаю плечами, и моя реплика вызывает у Сэм новый виток раздражения. — Или бросайте учебу. Или перестаньте встречаться.

Последнее ей особенно «нравится» — по взгляду вижу, как сильно.

— Идеи — огонь, Паркер. — Вытянув руку перед собой, Сэм поднимает большой палец. — Вот брошу Алекса и приклеюсь к тебе. Ты же фрилансер. И без проблемной учебы.

— Я собираюсь на штатную должность. При этом фриланс

не бросаю.

— Досада, — вздох получается таким искренним, будто ее это беспокоит на самом деле.

— О да, — соглашаюсь. — Была бы такая возможность бесить своим видом не только Спенсера, но и Алекса.

С ее лица сползает вымученная улыбка. В последние дни она появляется в кампусе уставшей авансом, не дожидаясь конца пар.

— Зачем ты напомнил мне этого гуру сетевого маркетинга?

— Гуру чего? — Я округляю глаза.

— Маркетинга. Сетевого, — повторяет она. — Спенс уломал меня выступить в конкурсе танцев. Я согласилась и теперь, чувствую, что мне впарили сковородку, на которой якобы можно жарить без масла. И я не знаю, как повелась!

— Ну так откажи. Он же работает в школе. Там некому танцевать? — недоумеваю я.

— Длинная история. — Сэм смахивает волосы с плеч. — Но ему, правда, некого просить. Он вроде как увольняется, а конкурс меньше, чем через месяц. Теперь Спенсу нужно *внезапно* собрать новую команду и подготовить номер. Подозреваю, этой внезапности он научился у Милли. Месяцы дружбы не прошли даром.

— Дружбы, говоришь?

Я наклоняю голову, пряча смеющийся взгляд. Сэм хочет ответить, но продолжение разговора обрывается, когда на

моем телефоне звучит громкое оповещение.

«Линда: Ты так и будешь общаться со мной через адвоката? Я хочу встретиться, прежде чем подписать бумаги».

Она хочет встретиться? И что это — вспышка ностальгии?

Коротко извинившись перед Самантой, я отвлекаюсь на сообщение бывшей жены (ментально я перевел ее в бывшие в ту же секунду, как поймал на измене) и, не задумываясь, печатаю:

«Я: Если бы я хотел тебя видеть, развелся бы четыре года назад».

«Линда: В итоге ты все равно нашел способ сделать это без встречи».

«Я: Стал изобретательнее».

«Линда: Но так и остался трусом».

«Значит, проблема была в моей трусости?» — печатаю, подгоняемый едва вспыхнувшей и еще не разбавленной яростью. — «Ты изменила мне, потому что я трус?»

— Привет! Давно не виделись, — голос Саманты, обращенный к кому-то за моей спиной отвлекает на мгновение, но и его достаточно, чтобы уберечь меня от ошибки.

Зачем затрагивать эту тему сейчас?

Я не отрываю взгляд от экрана, раздумывая над другим сообщением, которое бы не выставило меня в таком жалком свете.

Палец завис в дюйме от экрана, я почти нажимаю на клавиатуру, когда слышу второй голос — той, с кем поздоровалась Сэм:

— Привет.

Она звучит по-другому. С той тихой, отстраненной печалью, которую можно прочувствовать, только если сам долгое время существовал в таком состоянии — ходячего и говорящего... овоща.

Я вздрагиваю, будто нырнул в холодную воду посреди зимы, и машинально смахиваю сообщение Линды. Как мелкую, неприятность, не требующую внимания.

Я все еще не обернулся, но знаю, кто за моей спиной.

Моя О-Рен Ишии с клуба, или Субин.

Субин не моя. Надеюсь, что и не Спенсера.

Я, правда, на это надеюсь?

— Спенс и тебя уломал на свою авантюру? — кажется, за последние пару минут в словах Сэм появилось чуть больше смирения.

— Авантюру?

Бросаю короткий взгляд через плечо. Субин не видит меня, но я замечаю, как ее пальцы с силой сжимают папку с конспектами. Она же вся — один сплошной нервный узел. И почему-то вид этого неконтролируемого напряжения в ней... полностью гасит мое собственное.

Как будто осознание, что рядом со мной человек, которому так же хреново, как мне, а, если она рассталась со Спенсером, может еще хуже, дает мне опору и силы, чтобы не только крепко стоять на ногах, но и... подставить плечо кому-то другому.

Ну да, она же так сильно нуждается в твоём плече.

Забыл, какой она была в ту ночь, когда вы познакомились?

И вот, я снова пялюсь в экран, но мысли о сообщении Линды медленно растворяются, прикрываясь навязчивыми словами и образами из недавнего прошлого.

«Прыгай на заднее сиденье... — губы, похожие то ли на бант, то ли на сердце (пусть я и фотограф, но ни черта в этом не разбираюсь) складываются в четкие слова: — Я собираюсь тебе...»

Стоп, Джейсон. Не сейчас.

— Да конкурс этот, — Сэм хмурится, сложив руки под грудью. — Спенсер сказал, что ему не хватает людей в команде. Трижды за разговор напомнил, что мы друзья. А то я не в курсе. У меня не Альцгеймер, а всего-то бе... — она замолкает на пару секунд, откашливается, достает бутылоч-

ку из рюкзака и, сделав глоток, продолжает: — Что ж, ладно, сама согласилась, зачем теперь жаловаться.

— Он не просил, — с той же ровной интонацией отзывается Субин. — Я не знала про конкурс.

— Как это не знала? Он что, даже не говорил?

Свернув мессенджер, я прячу телефон в кармане и полностью разворачиваюсь к девушкам.

Даже тогда Субин не обращает на меня внимания. Или притворяется, что не видит. В первые секунды мне хочется показать, что я здесь, издав хоть какой-то звук. Откашляться, сказать «привет», прокомментировать слова Саманты.

Но я отвлекаюсь на губы Субин. Всего на мгновение приоткрывшись, они превращаются в линию. Она опускает взгляд, и ее пальцы сжимают папку сильнее.

— Так вы же... — Сэм не успевает закончить фразу.

Через два удара пульса в висках, слова с моих губ срываются сами:

— Я тоже танцую.

Один за другим два пронзительных взгляда впиваются в мое лицо.

— Если нужны свободные ноги, — киваю с улыбкой, глядя по очереди на обеих. — Могу дать свои.

Сэм хлопает ресницами, а Субин поворачивается к окну, сдерживая улыбку.

— Танцуешь? Электрошоковые подергивания в клубах — это немного другое, — приходит в себя Саманта.

— Когда это я дергался? Нигде не учился — да, но у меня врожденное чувство ритма. — Расправив плечи, чуть ли не выпячиваю грудь. — А в младших классах родители водили меня на гимнастику.

— Эту историю я уже слышала, — кивает Сэм. — И про олимпийский резерв, и про то, как ты ушел в баскетбол, но через год тренировок повредил коленную связку. Только я не вижу большой связи между танцами и спортивной гимнастикой. Пит, тебе делать нечего?

— Джейсон.

— Питер.

— Джей-сон.

— И почему все должны привыкать к твоему новому имени за пару месяцев до выпуска? — качает головой она. — Мой перегруженный мозг отказывается запоминать еще и Джейсона.

Пока мы с Сэм продолжаем свою бессмысленную перепалку, с лица Субин сходит тень и ее тело расслабляется.

— Мы больше недели не пересекались, много работы и у меня, и у него, — она решается вставить реплику, только когда мы с Самантой замолкаем на три секунды. — Я напишу Спенсеру, узнаю, нужна ли помощь.

Перевожу взгляд влево и в то же мгновение встречаюсь с глазами Субин.

«Так ты не ушла от него?» — задаю вопрос про себя.

Я вижу, как мышцы на ее шее дергаются, и Субин возвра-

щает взгляд к Саманте.

— Тогда увидимся. Думаю, репетиции начнутся уже скоро.

Она кивает нам и уходит.

Не знаю, как долго я смотрю ей вслед, но отвлекаюсь, только когда слышу голос Саманты:

— Попробуй сказать, что когда-то с ней спал. Она девушка Спенсера, и, если ты снова влезешь в его отношения с кем бы то ни было, я точно прибью тебя, Паркер.

Реальность обрушивается на голову, смахивая наваждение и проясняя мысли. — С чего ты взяла? — Я выпрямляюсь, встречая ее взгляд, и плечи Сэм вздрагивают.

— Да ты же смотришь на нее, как на... Не знаю, как правильно объяснить. Будто две недели закончились, а тебе не хватило.

Не хватило, но это была одна ночь. И почти все время мы проспали.

— А не пойти бы вам всем на хер, — резко бросаю я.

Только спустя пять секунд молчания я понимаю, что перестарался.

Уверен, Сэм не хотела быть грубой, а просто беспокоится. Так вышло, что три стороны одного сложного многоугольника, в котором я оказался не по своей воле, — это ее друзья.

Но, черта с два, с чего Сэм решила, что я спал с Субин? Когда бы я успел, если узнал ее намного позже, чем начались их отношения со Спенсом.

За кого они все меня принимают? Я не лезу ни в чьи отношения и не раз говорил это вслух. Неужели даже друзья считают меня ничтожеством, у которого нет принципов.

Подавив разочарование в сжатом кулаке, я натягиваю на лицо улыбку, прежде чем кивнуть Сэм на прощание и направиться в учебную аудиторию. У входа в класс я на секунду оборачиваюсь и вижу полный сожаления взгляд подруги.

— Маякни, когда соберетесь на первую репетицию, я приду за компанию!

Глава 9

Субин

Мой мозг перегружен к последней лекции, и слова профессора оседают в памяти немногим больше, чем на один процент.

Каждые пять минут я проверяю сообщения. Спенс не писал, и в этом нет ничего удивительного. Мы разбежались, у нас больше нет точек соприкосновения и странно было бы ждать, что он попросит о помощи бывшую девушку. Тем более ту, которая бросила его сама.

Даже танцевальный класс не помогает мне заглушить мысли о Спенсере. Я провожу два коротких занятия в младших группах и одно в подростковой. Когда уроки заканчиваются, я провожаю ребят и задерживаюсь, решив написать ему сама.

В контактах два сохраненных номера. В прошлом году он взял отдельный — рабочий. Я вожу пальцем между двумя строчками «Спенсер» и «Спенсер-дэнсер» и улыбаюсь, вспомнив его реакцию на вторую подпись.

«Буду теперь везде говорить, что мою профессию определило имя».

Воображаю, сколько всего из одной этой реплики из

немногословного Спенсера удалось бы вытянуть Милли Рамирес.

Палец замирает над верхней строчкой, и я понимаю, что не хочу нажимать ни на одну.

Зачем звонить ему? Он сделал бы это давно, если понадобилась бы моя помощь.

Закрыв глаза, прижимаю телефон к бедру. Знакомый рингтон разливается эхом по классу.

Не глядя в экран, усмехаюсь с подавленной горечью.

Когда-то он сам его подбирал.

Будь у меня чуть больше времени на раздумья, я подождала бы по меньшей мере четыре гудка. Но за день мозг слишком устал, чтобы думать, а не действовать рефлекторно.

— Субин?

Даже не поздоровался, надо же.

— Кто это? — не остаюсь я в долгу.

— Уже удалила номер? — в тихом вопросе слышно усмешку, но голос спокойный. Даже... довольный?

Я не отвечаю, он так же не сильно торопится продолжать.

— Спенсер, — произносит он, но затем снова наступает пауза. Я слышу в трубке ровное дыхание и отдаленный гул.

— Ну да, — наконец выдавливаю я. — Я догадалась.

— Хорошо.

Я не припомню подобной неловкости в наших разговорах.

— Ты позвонил, чтобы проверить, сохранила ли я твой номер?

— Нет. Просто я... почти неделю думал, уместно ли это
— просить тебя выступить на фестивале каверов.

В трубке раздается протяженный вдох.

— Не знаю, решился бы я вообще, если бы Сэм не написала, что встретила тебя в универе. Теперь ты в курсе и...

И ты пожалел меня?

— ... я понял, что мне стоило спросить раньше, чем до тебя дошли слухи. Вдруг ты не против... поехать туда с нами?

Он говорит это с почти незаметной напряженностью, будто ожидая, что я взорвусь или рассмеюсь.

— Что скажет Милли? — Мой голос звучит ровнее, чем я ожидала. — Ей плевать, что вместе с вами танцует бывшая парня, с которым она...

— Мы не встречаемся, — перебивает он, а я пытаюсь найти в его тоне разочарование. — Еще мы... — делает паузу, чтобы вздохнуть, и я понимаю, что он реально переживает, — отделяем личное от профессионального.

Ему всегда было трудно выражать мысли без передышки, когда накатывало волнение. Из-за дислексии. Но он в отличие от меня, никогда не стыдился своей особенности.

Да, наши травмы вряд ли соизмеримы, но я бы тоже хотела ценить себя так, как он. Вот только пример человека, который справился, подействовал на меня в точности наоборот. Когда ты смотришь и понимаешь — тебе слишком далеко до этого, то опускаются не только руки, но и все тело. Пока каждый дюйм твоей кожи не соприкоснется с дном.

После очередной недолгой паузы Спенс добавляет:

— Если бы и встречались, Милли была бы не против.

Конечно, не против. Чего ей бояться, когда любимый мужчина смотрит на нее так, словно все девушки мира, кроме нее, стали бесполоыми?

Сжимаю веки, но в этот момент почему-то вижу... Не Спенсера.

— Не знаю. Я не смотрела свое расписание, — перехожу к деловому тону — за ним легче всего скрыть неуверенность.

— Если захочешь, Субин.

Он быстро подхватывает мой тон, но в нем проскальзывает та мягкая настойчивость, которая в первые месяцы отношений могла уговорить меня на многое. Совместный сон, объятия и... поцелуи — то, что давалось сложнее всего, а после того, как я прервала терапию, стало почти невозможным.

— Мне нужна помощь. Ты можешь прийти и посмотреть на первую репетицию? Я проведу ее послезавтра, в семь.

Я закрываю глаза. Под веками смутными вспышками всплывают моменты из прошлого: картинки, не ощущения. Но я благодарна Спенсу за то, что видеть эти картинки сейчас хотя бы не страшно.

— Я не могу обещать, что останусь.

— Никто ничего не обещает, — тут же парирует он. — Просто приди и посмотри.

— Ну ладно. Приду.

— Спасибо, — это звучит так искренне, что у меня перехватывает дыхание. — Школа другая, адрес я скину. Зал номер семь.

— Договорились, — я тут же бросаю трубку, не дожидаясь прощания.

Ладони успели намокнуть за время недолгого разговора, и телефон выскальзывает, падая на мои бедра. Я подгибаю ноги и прижимаюсь лицом к коленям. Дышу — сначала тихо и медленно, затем по нарастающей.

Если разрыв с человеком, к которому ты *просто привык*, воспринимается так...

Что бы я чувствовала, если бы его любила?

Первая репетиция больше похожа не на сбор команды, а на столкновение разных миров.

Паркер особенно выделяется... Он среди нас как иноземец, которого занесло случайным торнадо — в приталенной серой рубашке, прямых бежевых брюках и черных топсайдерах.

Спенс сухо комментирует:

— Тебе не сказали, что танцы планируются *неклубные*?

— Могу раздеться, если тебе так мешает моя одежда, — Джейсон с деланной серьезностью трогает верхнюю пуговицу рубашки, но ловит хмурый взгляд Алекса, и, подавив ухмылку, отводит руку.

Чтобы рассказать нам о конкурсе, Спенс тратит чуть больше минуты. Он не слишком разговорчив, когда дело касается работы. Затем наступает очередь ролика с танцевальной практикой. Команда смотрит в молчании, и только Джейсон, сидящий справа от меня, вздыхает на каждом новом движении.

— На что я подписался, — я слышу тихое бормотание.

Повернув голову, смотрю на него с искренним сочувствием, хоть сама ситуация кажется забавной.

Зачем он вообще решил участвовать в конкурсе каверов, если до сих пор танцевал только на вечеринках?

Джейсон замечает мой взгляд и всего на мгновение становится с ним. Быстрая вспышка и полный штиль на лице — ни эмоции, ни единой мысли, которую я могла бы прочесть.

Обсуждение партий и связок пролетает мимо меня, как гул за окном. Я ловлю обрывки: «упростить тут», «компенсировать там», «не потерять баллы». Голоса перекрывают друг друга, но я слышу только их тембр.

Усталость Саманты. Сосредоточенность Алекса. Все то же тихий бубнеж Джейсона.

Почти улыбаюсь, глядя, как он закатывает глаза под закрытыми веками, но кожа вспыхивает, когда кто-то слегка задевает меня плечом.

Сжимаюсь и опускаю взгляд, испугавшись не прикосновения, а того, что за ним последует.

«Это был номер гостиницы, а не танцевальный класс. Их было не шестеро. Среди них не было никого, кому стоило доверять», — я повторяю, как мантру, но мелкая дрожь не унимается.

Я ищу взглядом пустую точку, где нет ни людей, ни их отражения, и с каждым ударом пульса вдавливаю в виски слово «безопасность». Перед глазами туман, к горлу медленно подступает ком тошноты, и я поворачиваю лицо в сторону, где людей хотя бы меньше. Делаю вдох, стараясь звучать как можно тише, быстро моргаю, чтобы избавиться от пелены и проваливаюсь в чей-то взгляд. Только моргнув, я понимаю, что это глаза Паркера.

Я вижу в нем не вопрос «что с тобой?», а молчаливое: «что мы вообще тут забыли?» В ответ я даже нахожу силы улыбнуться, едва уловимо, но по-настоящему.

Он замечает и просто беззвучно смеется в ответ.

В эту секунду я понимаю, как в реальности выглядит «безопасная гавань» — полный штиль с изредка проступающей гладью волн. И молчание, в котором смысла больше, чем в десятках слов.

— Расписание будет жестким, — наконец голоса и звуки проясняются и, услышав слова Спенсера, я поднимаю голову. — Поздние вечера, выходные. Всех устраивает?

Я не думаю о неудобстве, проблемах со сном и постоянной усталости, которая сопровождает меня с тех пор, как я, наплевав на предупреждение психотерапевта, прекратила ле-

чение.

Все соглашаются, я киваю тоже — нет ни сил, ни желания ставить свои условия.

Все, что мне хочется прямо сейчас — это остаться как можно более незаметной до самого конца нашей встречи.

Для всех в этом классе.

Кроме одного.

Глава 10

Паркер

В новой квартире кухня в два раза меньше, чем в предыдущей, но здесь как-то умудрились разместить в небольшом пространстве еще и остров.

Я захожу на кухню и, протянув руку прямо с порога, кладу на столешницу гору пакетов с продуктами.

Я не гурман и не любитель готовки, но иногда время за плитой отвлекает от мыслей. Например, мыслей, о том, как мы впервые за долгое время общались с женой. Не сообщениями, но и не лично — пока только звонок. Он длился минуты три — я даже засекал время, слушая ее... извинения.

«Я так жалею, что изменила тебе после свадьбы. Я тогда была глупой, неопытной в отношениях девушкой».

Я не ответил ей. На языке зудело другое определение, но я сдержался.

И только потом, уже сбросив, я понял, что даже не помню, как живую звучит ее голос. Зато хорошо помню слова.

— К черту, — потряхнув головой, я возвращаюсь к готовке.

Меня отвлекает шум воды и яркие цвета овощей. Не зная, что именно буду готовить, я просто бросаю их в миску и не спеша нарезаю.

Духовка сигнализирует, что нагрелась, а я как раз заканчиваю с овощами. Картофель, тыква, морковь, где-то в холодильнике были остатки брюссельской капусты. Я не уверен, что блюдо в итоге получится вкусным, и на этот случай купил пармезан.

Пока все готовится, я успеваю сходить в душ и собрать вещи для прачечной. Про телефон вспоминаю, когда таймер духовки показывает восемь минут. Пока есть время, можно просмотреть мессенджеры и соцсети.

Из-за учебы в последнее время моя страница фотографа в Инстаграм⁷ пребывает в коме. Я каждые два-три дня проверяю оповещения. Их там все еще немало, как и предложений с небольшими заказами — чаще всего это индивидуальные фотосессии.

Я не хочу даже думать, сколько таких фотосессий могло бы закончиться очередным двухнедельным циклом, но в отношениях с женщинами у меня есть еще один принцип — никакого секса между фотографом и моделью.

Даже если на фото девушка обнажена.

Даже если у девушки внешность богини.

И этот принцип я не нарушил ни разу. А то, что они пишут мне через пару дней после окончания действия наших рабочих договоренностей, уже выходит за рамки этого правила и не моя проблема.

⁷ Принадлежит компании Meta — признаны экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Среди пары сотен оповещений я нахожу два упоминания — выложенные на страницу снимки с отметкой фотографа.

С этой заказчицей мы работали четыре недели назад.

Запрос был сложный, как и работа в целом. Я чуть не разбил машину, пока ехал к ближайшим от Бостона горам. Замерз, едва не остался без камеры и модели. Пропал отъезд на следующий день, опоздал на пары, в итоге еще и подхватил грипп.

Потом долгий выбор тридцати лучших кадров среди почти тысячи. Часы обработки, переписка с заказчицей.

У нас не было времени толком поговорить друг с другом с глазу на глаз, за исключением обсуждения рабочих вопросов. Поэтому вид ее подписи под фотографией на пару секунд останавливает движение воздуха в моих легких.

«kitty_cat_lee: Когда у фотографа потрясающие не только глаза, но и руки»

Я ухмыляюсь и ставлю сердечко под фото.

Меньше чем через минуту в директ прилетает новое сообщение:

«kitty_cat_lee: Ты, правда, волшебник.

Жаль, что я не поблагодарила тебя с глазу на глаз. Это мое главное упущение...»

Я не считаю себя каким-то гуру по считыванию сигналов, вроде этих трех точек в конце ее сообщения.

Моя черта, которая нравится большинству девушек — прямолинейность. Поэтому, не изменяя себе, я пишу в своем стиле — прямо:

«j.p.parker: можем его исправить, если ты свободна».

В конце концов, нас больше не связывают профессиональные отношения.

«kitty_cat_lee: Сейчас?»

«j.p.parker: ты в Бостоне?»

«kitty_cat_lee: Сегодня... да».

«j.p.parker: так ты свободна?»

«kitty_cat_lee: Пиши адрес».

Ну вот и самые быстрые отношения на моей памяти.

Еще один плюс того, что живешь отдельно — между желанием и решением действовать проходят секунды.

«kitty_cat_lee: Жди через час», —получаю в ответ на со-

общение с адресом.

Что ж, у меня есть целый час.

Я возвращаюсь к приготовлению ужина. Тертый сыр отправляется к овощам за минуту до выключения таймера. Я ищу зелень в пакетах — те еще не до конца разобраны и, скорее всего, уже останутся тут до утра. Достāju пучок рукколы, мою в проточной воде и хаотично рву листья.

Пармезан, руккола — от того и другого веет Италией, думаю, сочетание мне понравится.

Пока ем ужин, от скуки решаю закончить разбор завалов оповещений.

В мессенджерах ничего необычного. Мама. Диана. Одно сообщение от Джейкоба. Пара сотен в групповых чатах — будь они неладны.

Аккаунт в «Тик Ток» даже не в коме — давно мертв, поэтому я не трачу на него время, решив под конец заглянуть на старый профиль в твиттере.

Сорок семь уведомлений из нескольких малоактивных групп, ни одного сообщения.

Только горящая вкладка «Возможно ваши друзья».

Первое имя в рекомендациях — «Причины, чтобы жить».

Отцепив кусок тыквы от вилки, я замираю с набитым ртом.

Это еще кто?

Профиль открытый, подписчиков здесь немного. Больше

напоминает сообщество, чем личную страницу. Куча постов на стене, и, судя по активности, выкладывают их регулярно. Последний — сегодня.

«Нашла в кафе по дороге домой мороженое, которое обожала в детстве. Вкус тот же. Забила всю морозильную камеру».

Челюсть медленно двигается, тыква достаточно мягкая, чтобы протолкнуть ее и откусить следующий кусок. Но пространство в груди сжимается, не давая мне ни вздохнуть полностью, ни сглотнуть.

Почему это так знакомо?

Не перекликается с моим настоящим, а воспроизводит чувства из прошлого — тех времен, когда было настолько хреново, что не хотелось жить.

Я пролистываю стену до записи от июня прошлого года. Их тут немало — по одной на каждый день.

*«04 июня 2023: Вечером созвонилась с подругой. На ка-
никулах жду ее в Бостоне».*

*«25 мая 2023: У Спайки во время «семейного» ужина
началась диарея. Он целых сорок минут просидел в туа-
лете и не раздражал своим видом».*

Откусив половинку картофеля, захожусь в кашле от подступившего к горлу смеха.

Бедный Спайки. Мне его даже не жаль.

Расправляясь с ужином, параллельно читаю одно сообщение, пропуская за ним десять. Добираюсь до прошлого января, декабря две тысячи двадцать второго. Продолжаю листать, не понимая, что до сих пор удерживает меня на этой странице.

Ноябрь:

«Он предложил мне встречаться».

Листаю дальше, быстрее, словно ищу что-то целенаправленно.

Июнь того же года:

«Я буду преподавать в школе танцев».

Уже на этом сообщении в голову тихо подкрадываются подозрения, и я пролистываю их, сбавляя скорость.

Май:

«Три дня без приступов. Я начала верить, что справлюсь».

Апрель:

«Кажется, я понравилась парню. Мы учимся в одной танцевальной школе. Наши имена начинаются на одну букву».

Палец замирает, удерживая экран на сообщении. Картинка к посту — буква латинского алфавита — «S».

Я правильно понял, это Субин и Спенсер?

Глаза, не мигая, останавливаются на имени профиля.

«Причины, чтобы жить».

Возможный друг из контактов, которые я сохранил в телефоне.

Номер Субин в нем появился полторы недели назад, утром после той ночи в отеле.

Я вспоминаю первое впечатление, когда увидел ее в том клубе: горячая штучка с холодным взглядом, из-за которого я сравнил ее с киллершей из популярного фильма. На деле она оказалась девушкой, которая каждый день ищет причину жить.

Я поднимаюсь и не спеша убираю остатки ужина и посуду. Вскоре затянувшуюся тишину моей холостяцкой квартиры нарушает звонок.

Все так же, не торопясь, подхожу к двери — в камере домофона то самое лицо с фотографии. Сейчас я будто снова смотрю на нее через объектив.

Девушка улыбается, как только я открываю дверь.

— Надо же, ты назвал адрес правильно.

Я не подходил меньше минуты, а в эту симпатичную голову уже закрались сомнения.

— Просто ты не похожа на ту, кто будет караулить входную дверь, когда мы разбежимся.

— И много у нас времени? — девушка не церемонится, напоминая имя, которое я, конечно, забыл.

Молча кладет обе руки мне на грудь и ведет нас в сторону коридора.

— Пару часов. С утра много дел, я планировал выспаться.

Странно. Обычно я говорю не пару часов, а две недели. Думаю, если она не задержится, я переживу это без ощущения потери.

Вытянув руку, успеваю толкнуть дверь за ее спиной. Мы делаем два шага, прежде чем напористая гостья припирает меня к стене. Я слышу стук каблуков, по очереди слетающих с ее ног, и девушка на глазах становится ниже на полголовы.

Я поддеваю пальцем волнистую прядь крашенных волос — блондинка. Касаюсь щеки и, зацепив подбородок, приподнимаю лицо. Без каблуков она чересчур мелкая. Может, попросить их оставить? Мне бы понравилось, будь она выше.

Пухлые губы напоминают формой не то сердце, не то бантик — я же говорил, что ни хрена в этом не разбираюсь. Нос небольшой, кожа светлая, гладкая без единой шероховатости, за которую я мог бы зацепиться.

Взгляд поднимается выше и наконец-то находит ее глаза,

цепляясь за очертания узнаваемого разреза.

Раскосые. Темные. Просто огромные.

Какой же ты жалкий, Паркер.

Глава 11

Субин

Пятый прогон. Или шестой?

Глаза на мгновение косятся вправо, будто я ищу понимание в таком же уставшем взгляде соседа.

Паркер без слов поправляет вырез футболки и мимолетно прижимает к шее большой и указательный пальцы. Жест слишком короткий, чтобы заметить, но в очередном нашем столкновении взглядами проскальзывает понимание.

Песня включается снова. Я не могу все время оглядываться вправо, и выбираю танец вслепую. Смотреть на других мне больше не нужно, я выучила партии за семерых.

Передо мной темнота. Если получится обмануть тело, представив, что я здесь одна, в легких поместится больше кислорода.

Партия соло меняется к середине куплета и уплотнившийся воздух дает мне почувствовать близость чужих тел. В закрытых глазах смысла больше нет, и, завершив свою партию, я смотрю в пол, сосредоточившись на движениях ног. Это и становится моей ошибкой.

Я замечаю движение сбоку, но реагирую с опозданием. В спину врезается плечо Харви, потерявшего равновесие. Не

до конца осознав, что произошло, я получаю еще и удар в бок — это уже падает Паркер, снося меня с ног.

Взгляд упирается в темный паркет, и мои плечи вздрагивают от вспышки воспоминаний.

Этот другой — темно-коричневый, чистый и без следов рельефных подошв.

«Что с твоими ногами, Субин?»

Голос слишком размытый и отдаленный, чтобы принадлежать кому-то из тех, кто присутствует в классе.

Сыльги? Мира? Вариантов на самом деле не так много.

Слезы горят в уголках век, собираясь там раньше, чем я успеваю моргнуть. Как и тогда, я не даю им пролиться.

— Ты в порядке, Субин?

Выплываю из воспоминаний, услышав низкий, обеспокоенный голос.

Взгляд падает на чужие руки, удерживающие мои плечи с обеих сторон. Тело сжимается. Но, чем выше я смотрю, тем меньше в нем остается напряжения. Я узнаю цвет футболки и буквы, сложившиеся в логотип. Шею, подбородок, губы, нос. Когда все части лица Джейсона собираются перед моим взглядом воедино, я делаю длинный вдох и отпускаю воспоминания.

Значит, вот так ощущается безопасность? Спокойствие, пустота и... *ничего*.

Интересно, как далеко заходит предел этой пустоты. Сколько я разрешила бы ему сделать, прежде, чем оттолкну-

ла? Где этот чертов инстинкт самосохранения?

Если бы я все еще верила в любовь, то, наверное, решила бы, что влюбилась.

— Да. В порядке. — Я киваю и, упираюсь ладонями в пол, чтобы подняться без чьей-либо помощи. Вторая пара рук ложится на мои плечи, но Джейсон качает головой, глядя мне за спину, и отстраняется сам.

Я не хочу, чтобы здесь догадались в чем дело. Не только Паркер, но и остальные. За пониманием придет жалость, а это последнее, что мне от них нужно.

В конце занятия на многих из нас нет сухого места. Я пропускаю мимо ушей наставления Спенсера и представляю, что уже дома под горячим душем.

Я подхожу к шкафчику и открываю дверь ровно настолько, чтобы оградить себя от чужих взглядов и переодеться в сухую футболку. Проходит пара секунд — кажется, никто из оставшихся в классе и не заметил, как я поменяла верх, затаившись в углу.

— Ты долго?

Я вздрагиваю от непривычной резкости голоса Паркера.

— Она остается, — внезапно и в голосе Спенсера прорезаются агрессивные нотки. — Так же, как ты.

Да что с ними сегодня?

— И на черта? — спрашивает Джейсон. — Отчитывать за косяки веселее в присутствии зрителей?

Если сегодня этим двоим захотелось рычать друг на друга,

пусть делают это без меня.

Быстро собираю оставшиеся вещи, чтобы скорее вызвать такси, доехать до общежития, принять душ и завалиться спать. Ну и где-нибудь между делом поужинать.

— Тебе нужен ориентир, чтобы ускориться, — отвечает ему Спенс.

— Хочешь, чтобы я тут и дальше отплясывал?!

Моя рука замирает, застегнув молнию рюкзака наполовину.

Ну нет, парни. Я на такое не подписывалась.

Шумно захлопнув дверь шкафчика, я резко бросаю Спенсеру:

— А ты у меня спросил, могу ли я задержаться? — Брови взлетают, и пару секунд спустя мне хочется помассировать лоб от напряжения.

— Минут двадцать, Бин, — тихо отвечает Спенс.

Никакой агрессии, только усталая просьба, на которую я неожиданно собираюсь повестись.

Глядя на Паркера, которому нужно сейчас не учиться синхронности, а слать всех нас к черту и ехать домой, я не знаю каким образом, но действительно соглашаюсь.

Двадцать минут для меня превращаются в сорок. Паркер уходит чуть раньше, пока мы со Спенсером остаемся, чтобы обсудить кое-что без свидетелей.

Когда я наконец выхожу из школы, морсящий на улице дождь подбивает меня накрыть голову.

Я касаюсь воротника вздыхаю — куртка без капюшона.

— Ты не на машине? — Вопрос доносится до моих ушей сквозь резкий гудок пролетевшего мимо автомобиля.

Джейсон стоит у обочины, подперев серебристый седан. Свет уличного фонаря отражается в мелких каплях дождя на его куртке.

— Я не вожу, — глухо отзываюсь и собираюсь идти дальше, в сторону пешеходного перехода.

При этом подчеркнуто не обращаю внимания на то, как меняется его лицо.

— Ну да, конечно, — невозмутимо кивает, будто это не он только что сменил три эмоции за секунду. — Я видел.

— Не видел. — Я пожимаю плечами. — Тебе показалось.

Спорить не хочется — нет настроения.

Весь его запас я оставила в танцевальном классе вместе с энергией.

Не столько в танце оставила, сколько в разговоре со Спенсером — после тренировки.

Не знаю, зачем я осталась и снова затронула, или скорее разворошила, тему наших отношений.

Я думала, точка, поставленная тобой, дает возможность отпустить быстрее. В итоге именно я выглядела так, будто все еще не отпустила.

Решаю пройтись до ближайшего светофора, но слышу,

как в спину летит:

— Вы не расстались.

В его тоне утверждение, а не вопрос, и на мгновение я даже слышу упрек.

Примерно десять минут назад таким же голосом я предъявила Спенсеру за то, что он скрыл от друзей то, что мы расстались.

— Не помню, чтобы я обещала тебе, что-то подобное, — бросаю через плечо, продолжая идти.

— Я думал, что ты умнее. Что уважаешь себя, любишь сильнее, чем этого...

Джейсон обрывает фразу. Я останавливаюсь и, обернувшись, смотрю, как он стоит возле машины, засунув руки в карманы куртки.

— Я не люблю его.

Прошло около трех недель. Та половина моей неуверенности, которая еще оставалась, за это время исчезла. Теперь я точно знаю: это была привычка.

К хорошему быстро привыкаешь. А Спенсер был не просто хорошим — почти идеальным. До самого, черт бы его побрал, последнего дня.

Стоит подумать об этом, и мне даже становится скучно.

Вынув руку из кармана, Паркер проводит ладонью по шее чуть ниже затылка.

— Тогда зачем это все? Ты знаешь, ради кого он собрал команду?

— Конечно, знаю. — Я безразлично веду плечом. — Он не скрывал, что в первую очередь делает это для нее.

— И все равно помогаешь?

— Это ничего не меняет.

Все-таки я улыбаюсь. Пусть слабо, но он это замечает. Не знаю, что он такого увидел в моей улыбке, но с расстояния в десять шагов я вижу, как опускаются его плечи.

— Кстати, мы не вместе.

Он замирает, но заметно, как напряжение медленно покидает и все остальные части его тела.

— Я порвала с ним. На следующий день.

Какой именно — не уточняю. Он сам догадается, если ему это важно.

Лицо Паркера держится, но я почти уверена, те три секунды, пока его веки закрыты, он прячет за ними облегчение.

— Тебя подвезти? — Он кивает на машину.

Как по заказу, дождь становится чаще, холодные капли стекают за воротник.

— Прежде, чем ты это сделаешь, я кое-что напомним. Никто из нас никому и ничего не должен.

— О чем ты? — Он тянется к дверце машины. — Мы же едва знакомы.

Тихий смех Джейсона оседает в груди и шевелит тот самый песок, который на долгие три недели стал залогом моего спокойствия.

Я разрешаю себе расслабиться.

Сегодня — разрешаю.

В машине глаза почти закрываются. Огни ночного города пролетают сплошными полосами за окном. Музыка приглушена, я различаю хриплый голос солиста и с первых нот определяю джаз.

У Джейсона есть вкус. В одежде, в музыке, даже в аромате, которым он пользуется.

Он наклоняется к приборной панели, чтобы поменять трек, и мокрые от дождя волосы оказываются ближе к моему лицу. Так близко, что я улавливаю едва различимые нотки парфюма.

Гребаный цитрус. Лучше бы у меня была на него аллергия.

Уснуть мне мешает звук сообщения. Достав телефон, нахожу целый град уведомлений с именем соседки:

«Джеки: В ванной сломался кран.

«Я позвала Марка, чтобы помог починить».

«И он остался».

«Когда придешь, заходи незаметно, ладно?»

В груди начинает бурлить, словно легкие заполняет вода, а не воздух. Этой энергии закипающей ярости так много, что я забываю, где сейчас нахожусь, и едва не кричу, вовремя сбавив громкость:

— Она там что, обалдела? Пра-а-авда.

К счастью, мой доведенный до автоматизма рефлекс вовремя перевел меня на корейский.

— Он же вчера у нас был. Я два долбанных часа слушала, как вы трахаетесь! Да вы мне весь мозг выебали, тупорылые кролики!

Нога нервно постукивает по светящемуся в темноте коврику. Я различаю неоновый белый свет по его краям и осознаю, наконец, с кем еду.

Губы сжимаются, я кошусь влево и, заметив испуганный взгляд Паркера, извиняюсь легкой улыбкой.

— Ты сейчас материшься? И-или читаешь какое-то заклинание?

— Как смешно. — Мои приподнятые уголки губ снова вытягиваются в прямую линию.

— Мне не смешно. Мне страшно. Я вообще боюсь слов на чужом, незнакомом мне языке. Вдруг ты шпион на задании, а я попал под горячую руку.

— Я же вроде была киллером. Или маньячкой? С какой стороны ни смотри — со мной страшно.

— Ну... Когда спишь, ты вполне безопасна.

Он что, наблюдал за мной, когда я спала?

— Ты же был пьян.

— У меня не такой крепкий сон. Даже если я пью.

— Отвезешь меня в ту же гостиницу?

Мысль вонзается в мозг тонкой иглой. Мне не нравится

чувство, ползущее следом за ней по всему телу. Я опять уступаю и показываю слабость там, где должна быть сильной.

Это Джеки и Марк создают неудобства, не обговаривая их со мной заранее. Почему я должна мириться?

— Или нет. — Я вливаюсь взглядом в сосредоточенный профиль водителя. — Давай ты пойдешь вместе со мной?

Джейсон трижды бросает короткие взгляды в мою сторону.

— В ту же гостиницу?

— В общежитие!

— Для чего?

— Для переговоров. Мирных. Об установке границ.

— Ты там живешь или воюешь?

Если скажу, что вся моя жизнь — война, он поверит? Со-мневаюсь.

И зачем это мне?

— Я там учусь выживать в социуме, — выдаю полуправду.

На самом деле, не только это. Еще — в общежитии я могу контролировать вспышки гнева. Просто за стенами много людей, которых я не хотела бы впускать в свою темноту. Даже, чтобы взглянуть мельком.

Джейсон не отвечает, и тишину салона разбавляет лишь звук саксофона.

Прижавшись затылком к сиденью, я поворачиваю лицо в немом ожидании.

— Поехали, — он говорит всего одно слово, но я разли-

чаю в нем целую гамму оттенков — вначале усталую обреченность, второй слой — интерес и наконец спрятанное в глубине тихое удовлетворение.

Я отворачиваюсь к окну. Снова смотрю на огни, проплывающие мимо. Один короткий, два длинных. Третий — бесконечный. Глаза снова почти закрываются.

И я проваливаюсь.

Глава 12. Сопротивление

Сеул, 2020 год

Субин

Мне нужно заслушать песню до тошноты, чтобы в голове сложилась картинка. Так было всегда. Я выбирала непопулярный трек из альбома и ставила танец сама, в голове, чтобы не пользоваться подсказками из готовой хореографии.

Я часто задерживаюсь после уроков в свободных кабинетах и в одиночку делаю то, что умею без помощи преподавателей, — раз уж уроки пхансори проводятся редко.

С раннего детства мне нравились танцы, хоть папа не одобрял мою тягу к искусству. И большая часть учеников в этой школе — уменьшенные версии моего отца. Стратегии, бизнес, пресса, если искусство — то продюсирование. Какой дурак будет тратить огромные деньги для обучения в этой школе, а в будущем просто... развлекать публику?

Взгляд упирается в отражение. Да вот же она — та самая дура.

Я пожимаю плечами. На самом деле, если бы передо мной стоял выбор между управлением бизнеса и любой, пусть даже самой унижительной формой искусства, я выбрала бы вто-

рое.

К седьмому прослушиванию весь танец в моей голове оживает дорожкой видеокадров. Я выключаю проигрыватель на телефоне, открываю тетрадь и схематично набрасываю танцевальные связи.

Я знаю, как это будет смотреться сольно и без труда подстраиваю хореографию под несколько человек.

Танцы всегда поднимают мне настроение. Больше, чем вкусная еда, новая одежда и высокие отметки.

Последние пять с половиной недель, с тех пор, как отец, переступив через себя, пошел обычным рабочим в одну из компаний Гихуна, танцы для меня — это еще и повод как можно позже появляться дома в его выходные.

Сегодня один из таких дней. Рабочий график у него плавающий, поэтому мы с мамой вынуждены ходить перед ним на цыпочках даже по будням.

Он никогда не спрашивает, почему я задерживаюсь в школе. Ему хватает, что вот уже два месяца я на вершине школьного рейтинга. А я просто пользуюсь плюсами, которые мне дает эта временная свобода.

Маме все равно нет до меня дела, когда отец дома. Кажется, в такие моменты все материнские чувства она закрывает в невидимой шкатулке и прячет подальше от папиных глаз. Будто он почувствует себя менее нужным, если мама покажет свою любовь ко мне.

Схема нарисована, я поднимаю голову и смотрю в окно.

Скоро стемнеет и школа почти пустая, за исключением классов, где ученики иногда остаются после уроков.

Охранник устраивает обход после семи. Сейчас на часах половина шестого.

Для первого танца включаю песню, замедлив скорость в три раза. Не все получается сразу, и я делаю в мыслях пометки, с какими связками нужно работать отдельно.

После четвертой попытки ноги гудят от усталости, и, вспомнив, что в рюкзаке есть треугольный кимпаб, даю себе время на перерыв.

Хочу расслабиться — забыть про движения, музыку, время, родителей. Забыть ненавистное слово «контроль».

В первые дни занятия танцами я отпускала его с трудом. Перед глазами все время мелькал бесконечный список того, что мне нужно успеть: по дому и в школе.

Корейская Золушка при живых родителях и без крестной феи.

Порой я не знала, зачем мне все это, но тем не менее делала. Учила уроки, помогала по дому, ходила на факультативы, чтобы набрать больше баллов перед поступлением.

Только на танцах я в первый раз поняла, что значит расслабиться по-настоящему. Здесь даже необязательно танцевать, можно сидеть и ничего не делать. Молчать, гипнотизировать потолок, в конце концов, просто быть — без глобальной цели. Даже не думать, а в пустоте, просочившейся в мысли, найти долгожданную тишину.

Мои минуты спокойствия, когда я действительно счастлива.

Сегодня я собираюсь их растянуть. Кимпаб небольшой, но я специально жую его медленно, пытаюсь распробовать каждый ингредиент, утопающий в рисе. К концу дня лист нори уже не хрустит на зубах, но это не делает мой перекус менее ценным.

Кимпаб съеден почти целиком, когда за дверью я различаю шаги.

Класс, где я обычно танцую, прячется в небольшом закутке. Рядом — кладовая с уборочным инвентарем и старый тренажерный зал.

Я закрываю глаза, дожевывая остатки кимпаба. Когда закончу, шаги уже стихнут и моим танцам не помешают посторонние звуки.

Я вздрагиваю от звука двери — она ударяется и отскакивает от стены.

— Суби-и-ин!

В проеме стоит Хон Мира с распущенными и безупречно уложенными волосами. Следом показывается еще одна девушка — она не из нашего класса, и, вроде, вообще с другой параллели.

Второй класс⁸?

Похоже, Мира собирает компанию из девчонок по-

⁸ В Южной Корее всего 12 классов школы, второй класс старшей школы соответствует 11-му.

младше, раз среди ровесниц единственная, с кем у нее получается хоть какая-то дружба, — это Сыльги.

Поднявшись, смахиваю с лица остатки еды. Вряд ли они там остались, я делаю это на случай, если Мира, как и в предыдущие несколько раз, начнет пороть чушь, вынуждая меня отвечать.

Давать ей словесный отпор я все же хотела бы с чистым лицом.

— Прости, я тебя напугала? — Мира хлопает ресницами, кивая на дверь.

Вопрос ответа не требует. Она отворачивается и оглядывается в просторном классе, будто никогда его не видела.

— Может, и мне приходить сюда... танцевать? Эй, как тебе идея?

Вторая девушка в задумчивости выпячивает губу и пожимает плечами.

— Возьмешь за компанию? — Мира смотрит на меня.

— Если ты *танцевать* хочешь, то без проблем. Приходи.

Скривив губы, Мира удовлетворенно хмыкает и отворачивается.

Пока она ходит по кабинету, разглядывая вывески на стенах, я подхожу к телефону, чтобы включить песню еще раз. Плевать на непрошенных зрителей, перед уходом мне не помешает финальный прогон.

Я занимаю привычное место и вижу, что взгляд Мира ненадолго задерживается на моих ногах. Скользит ниже ко-

лен, чуть дольше замирает на кроссовках.

— Как мило, — комментирует она вышивку с пандой на носках.

Я не отвечаю.

Мира стоит за спиной, что мешает мне видеть ее лицо во время танца. Ее спутница достает смартфон из рюкзака и уже через секунду пропадает в экране. Я все еще не понимаю, какая цель у Мира, но музыка помогает мне расслабиться и забыть о присутствии посторонних.

Я приседаю, сделав волну всем телом, касаюсь пола ладонью и, подстраиваясь под биты, возвращаю руку к груди. Делаю вид, что хочу подняться, но с шумом падаю на колени. Мой танцевальный экспромт приходится ровно на появление в дверном проеме Сыльги.

Ее лицо кажется непроницаемым, но я замечаю микродвижение брови.

— Что ты здесь делаешь?

Не с первой секунды я понимаю, что этот вопрос адресован Мира. Сыльги не сводит с меня глаз.

— Да так, забежала, чтобы макияж освежить. — Мира открывает рюкзак и достает косметику. — Здесь света побольше, чем в коридоре.

Звук сыплющихся на стол предметов постукивает в ушах, отвлекая от песни. Чтобы снова сосредоточиться на танце, я закрываю глаза и считаю до двух. Сыльги, потеряв интерес к моему танцу, достает телефон.

Мне бы хотелось закрыть глаза и представить, что я здесь одна, но, несмотря на кажущуюся безопасность этой троицы, с ними лучше быть настороже.

С того случая возле туалета, где мы с Сыльги поймали друг друга с поличным, мы с ней ни разу не разговаривали. Слухов про меня и Дохена больше не стало. В наших отношениях с Хеном вообще ничего не поменялось. Кроме того, что сейчас мы видимся редко из-за подготовки к следующему циклу проверочных.

Никто из них не пытается помешать моему танцу. Каждая занята своим делом и вскоре я забываю, что в кабинете есть кто-то еще, кроме меня и «ТХТ».

Делаю шаг вперед и вправо. Еще два — назад. Влево, вперед, отступаю на два и... чувствую, как на следующем шаге под пяткой съезжает опора. Я с силой даю на вторую ногу, пробуя удержаться на месте, но тело подводит меня и через мгновение я уже распластанная на полу.

— Что с ногами, Субин? — хохочет Мира, подбежав ко мне со спины и придерживая за плечи с мнимой заботой.

Я роняю взгляд на пол — туда, где только что проехала моя нога.

Блеск паркета на месте разлитой жидкости вынуждает меня щуриться. Вечереет, в классе большие окна, но света не так много.

Хон Мира переводит взгляд на то же место.

— Айгу-у! Прости. Кажется, масло вытекло, — цокает

она. — Крышка плохо закручена, я не заметила, когда высыпала все это на парту.

Я оглядываюсь, заметив, как лица девчонок смотрят в нашу сторону.

Тянусь пальцами к опустевшему флакону в руках Мира.

Гидрофильное масло какой-то люксовой фирмы, о которой я даже не слышала, ведь такое не продают в масс-маркете.

Крышка не просто плохо закручена, а аккуратно отломана.

С губ слетает самое безобидное, что приходит мне в голову:

— Как хорошо, что тебя не Анной зовут.

Улыбка сползает с лица Мира.

— Ч-что?

Но безобидное только на первый взгляд.

— Забей. Наверное, ты не читала Булгакова.

Мира хмурится.

— Булга... ри?

— Ага, — поправляю выбившуюся прядь. — Духи с ароматом Преисподней.

Отворачиваюсь от Мира, чтобы завершить танец, и встречаюсь с сосредоточенным лицом Сыльги.

Судя по усмешке в прищуренном взгляде, она в курсе, чем пахнет этот «Булгари».

Ее челюсть сжимается. Сыльги проезжается взглядом по

каждому сантиметру моего тела и, развернувшись, выходит из класса, методично выстукивая каждый шаг.

Следующие три недели — время внеплановых контрольных. Первый проверочный тест — математика. Сто коротких заданий по всем пройденным темам.

Когда бланк для ответов ложится мне в руки, в голову проникает мысль сделать ошибки. Написать его так, чтобы снова скатиться в рейтинге.

Мне комфортно в том нейтралитете, которого мы придерживаемся с Сыльги. Страх нет, это всего лишь простое желание избежать все еще не объявленной мне войны.

Я терзаюсь в сомнениях, но к концу теста все же ошибаюсь в восьми пропущенных заданиях — намеренно.

Результат теста приходит через два дня. В этот раз нам объявляют его не на уроке, а вывешивают в фойе главного корпуса.

— Надеюсь, я не буду снова пятой с конца, — удрученно бормочет Наён, когда мы встречаемся в коридоре на перемене.

Мы идем не спеша, большинство выпускников столпилось возле доски с рейтингом, и ни у одной из нас нет желания пробиваться через толпу.

Первым делом смотрю результаты по математике. Девяносто один. Рассчитала почти с безукоризненной точностью.

Если бы я не поддавалась, снова набрала бы девяносто девять.

Справа слышен разочарованный вздох Наён и, взглянув на таблицу с общим рейтингом, первым делом я ищу ее имя.

Раз, два, три...

— Девять! — вскрикиваю, хлопнув в ладоши. — Ким Наён, ты поднялась на четыре строчки!

Взгляд подруги всего на мгновение останавливается на против девятого места снизу. Брови хмурятся, а глаза скользят выше, по именам остальных.

— От тебя это звучит как издевка, — глухо бормочет она.

— Извини, если это выглядит так. Я не подумала об этом.

Почему она увидела в моей искренней радости насмешку?

Видимо, стоило быть сдержаннее, не зная наверняка, испытываешь ли ты радость от четырех дополнительных строк в рейтинге, когда находишься далеко от верхушки.

Улыбнувшись, Наён толкает меня в плечо.

— Да я шучу, ты чего! Конечно, я рада!

Возвращаюсь к таблице и останавливаюсь перед третьей строчкой. В этот раз тройку лидеров замыкает парень с параллельного класса.

Шеи касается липкий озноб, пробирается под ворот рубашки и ползет ниже, пока взгляд нехотя поднимается.

Рю Сыльги — вторая строчка.

Мне хватает секунды, чтобы вернуться к тесту по математике. Нахожу результаты нашего класса, хаотично метаюсь с

фамилии на фамилию, пока не вижу ее баллы.

Девяносто.

Черт возьми, почему? Почему девяносто, если она отвечала на каждом уроке? У нее меньше баллов, даже когда я сознательно саботировала свой тест. Да еще и на чертов один! Вот для кого действительно мой результат может показаться издевкой.

Опустив голову, закрываю глаза. Насладившись минутой покоя, молча хватаю Наён за руку и возвращаюсь в класс.

— Посвятим первую половину урока разбору ошибок, — начинает Ким-ссэм, переступив порог кабинета.

Взгляд учителя при этом прикован ко мне. Что ж, понятно, кого он выбрал первой жертвой.

— Рю Сыльги. — Вопреки ожиданиям, в руках оказывается не моя работа. — Вы никак не освоите логарифмы. Я и в прошлых работах делал замечания. В этот раз вам не повезло — тема старая, но заданий двенадцать процентов, и вы справились только с двумя.

Ее пальцы с силой сжимают подол юбки под партой. Ткань ползет выше, пока учитель разбирает задания. Оголив бедро до середины, Сыльги водит ногтями, пока на коже не появляются красные полосы.

Отвожу взгляд, фокусируясь на пустой странице открытой тетради. Следующие десять минут вполуха слушаю, как

Ким-ссэм обсуждает ошибки других учеников. Пока очередь не доходит до меня.

— Пак Субин.

— Да? — Поднимаю голову.

— Семь несвойственных вам ошибок в простых заданиях.

Я свалил бы на невнимательность, но не семь же раз.

Восемь, учитель. Я ошиблась в восьми заданиях, потому что... так надо.

— Если хотели снизить свой результат, стоило делать это изобретательней. Пятерка за технику, двойка за артистичность. Итоговый балл — три с половиной. — Он убирает работу в общую стопку. — Я сообщу в администрацию о нарушении и попрошу изменить результаты. На будущее: если хотите сделать кому-то хорошее, подняв его в рейтинге, то объясните ей непонятную тему, а не пытайтесь упасть до ее уровня.

Я перевариваю услышанное. Вначале фразу про три с половиной и рейтинг, потом уже часть про мою помощь — она доходит чуть позже и смутно.

Я чувствую, как затылок горит под прицелом десятка взглядов, только потом замечаю движение на периферии зрения.

Сыльги медленно оборачивается. Не всем корпусом, только голова, ведомая тонкой и напряженной шеей. Она смотрит выжидающе, скорее с интересом, чем со злостью.

На равнодушном лице дергается уголок рта. Сыльги ух-

мыляется, и оценивающе скользит ниже — к открытым коленям, ногам, обуви. Добравшись до панды на кедах, брезгливо дергает верхней губой и отворачивается.

— Субин, ты слышишь?

Я вздрагиваю — голос учителя больше не кажется монотонным.

— Да, с-сэм.

— Не делай таких ошибок в следующий раз.

Мне не придется.

Киваю учителю и перевожу все внимание на тетрадь.

Конец урока приходит с трелью звонка, ворвавшейся через форточку.

Не отрываясь от еле заметных потертостей на краях парты, я механически собираю вещи в рюкзак.

— Через пятнадцать минут дружно идем на английский!

— напоминает учитель. — Увидимся завтра.

— Хорошего дня, сонсенним. — Закинув рюкзак на плечо, легким толчком бедра я отправляю свой стул под парту.

Гул в коридоре усиливается с каждым учеником, вываливающимся из классов. Не вглядываясь в лица, огибаю по очереди всех, кто встречается на моем пути.

Внимание переключается на экран телефона — звонит Дохен.

— Привет. — Хрипит динамик под ухом, и я не совсем понимаю — проблема в самом телефоне или у Хена сел голос. — Освободилась?

— У нас дополнительные по английскому.

— И у тебя тоже?

— Что значит *тоже*? Я же не особенная. — Я останавливаюсь, чтобы ни с кем не столкнуться, пока занята разговором.

— Еще какая особенная... Ты говоришь на английском лучше, чем наш учитель.

— Это не значит, что я хороша в грамматике, и...

Он перебивает меня:

— Сегодня я дома один.

Я не отвечаю, хотя понимаю, что в наступившем молчании слишком явное ожидание.

Выходит, проблема не в севшем динамике телефона.

— Тогда, может... После? Думаю, сегодня идеальное время для...

Его привычка не договаривать, оставляя намеки соблазняющим шепотом, в последнее время действует на меня не совсем так, как нужно. Я не уверена, что хочу вместо дополнительных по английскому пойти к нему домой.

— Отец сегодня дома.

— И что? — фыркает он. — Он разве не знает, что перед экзаменами много дополнительных?

— Что, если он позвонит?

— Скажешь, что была занята. Тем более, — усмешка слезает с его губ, и в то же мгновение голос становится ниже, — скорее всего, так и будет.

— Давай... в следующий раз. Я просто устала сегодня. Да и, если папа узнает... Я обещала родителям, что не буду встречаться, пока учусь в школе.

Молчание в трубке заставляет ток крови в сосудах быстрее бежать.

Теснее прижав к уху телефон, я прислоняюсь затылком к стене. Тугими веревками скручивается солнечное сплетение. Поджав губы, поворачиваю голову и нос к носу сталкиваюсь с интересом в огромных черных зрачках Рю Сыльги.

Дохен бросает сухое «окей» и отключается.

Я не спешу убирать телефон в карман, делая вид, что все еще слушаю.

— Эй, Хон.

На звук ее голоса, из-за плеча Сыльги показывается Мира.

— Скажи учителю, что я плохо себя чувствую. Сегодня я не пойду на английский.

Она произносит каждую букву с выверенной точностью. Чеканит слово за словом, не отрываясь взглядом от телефона в моей руке.

— Ты плохо себя чувствуешь? — переспрашивает Мира.

— Да нет. Просто сегодня мне хочется сделать *кое-что другое*.

Маска безразличия на лице Сыльги трескается. Она улыбается, вначале слабо, потом, прикрывая рот, и отворачивается.

Мой взгляд замирает на яркой заколке-бабочке, которой

собраны волосы одноклассницы. Пока я смотрю, не моргая, осмысливая то, что она сказала, Сыльги достает телефон и ловко строчит сообщение.

Она же сейчас пишет не моему парню, правда?

Не сердце, скорее мой разум, отказывается в это верить. Просто дешевые манипуляции от королевы, уверенной в своей исключительности. Дохен ведь в курсе нашего с ней соперничества в школьном рейтинге.

Да вся школа в курсе.

Пусть между мной и Дохеном тоже не все идеально, но даже мысли о том, на что намекнула Сыльги, пускают мелкие волны под кожей, и с каждой секундой их становится больше.

Минуту спустя я вижу ее фигуру в школьном дворе, и тихим шепотом в голове вспыхивает вопрос:

Ты все еще *мой парень*, Дохен?

Глава 13

Бостон, 2024 год.

Паркер

За годы учебы в университете именно в это общежитие меня занесло впервые. Три этажа, всего один лифт, и тот — грузовой. Субин живет на последнем, еще и в конце длинного коридора, разделенного на небольшие блоки. Ближайшая дверь как раз ведет в ее комнату.

Она стучит трижды, прежде чем ее открыть. В узком коридоре горит приглушенный свет. Вижу, как Бин вешает пальто и следом стаскиваю с себя куртку.

— Ты угостишь меня раменом?

Она стоит ко мне спиной и поворачивает ключ в замке, когда я спрашиваю это. Ее плечи напрягают, и тело медленно разворачивается.

— Рамен? — в глазах не то испуг, не то удивление.

И что я такого сказал?

Справа открывается дверь, и появляется лицо девушки.

— Субин? Ты... не одна?

Она придерживает руками полы короткого шелкового халата.

— Прости, я не предупредила, — натянуто улыбается Бин. — Решила, раз ты привела парня вчера, я могу сделать это сегодня. Когда ты мне написала, мы уже ехали в общежитие. — Бросив короткий взгляд на меня, указывает в сторону своей комнаты. — Джейсон, возможно, останется на ночь.

Я прохожу мимо и, только вцепившись в ручку двери, вспоминаю, что даже не поздоровался.

— Джейсон? — спрашивает соседка.

— Привет! — Машу ей рукой. — Я Джейсон Паркер.

Она улыбается, кивает в ответ, но почему-то не называет имя. Пожав плечами, вхожу в комнату.

— Он сказал тебе, что его зовут Джейсон? — доносится из коридора шипение девушки. — Ты хоть знаешь, кто это?

Тянусь к выключателю, индикатор которого горит синим цветом, но замираю с вытянутой рукой.

— И кто же? — Субин растягивает вопрос.

— Многоразовый член.

Я сдерживаю смех, притянув к губам сжатый кулак.

Как только меня не называли, но многоразовый член — что-то новенькое.

Что будет в следующий раз? Писюн на батарейках? Фаллос бесконечности?

Молчание прерывает тихое цоканье.

— Не знала, что члены бывают одноразовыми.

— Ты же поняла, что я имею в виду.

— Да мне плевать, пока он пользуется презервативами.

Последнее предложение я слышу чуть громче, чем предыдущие части их диалога. А через мгновение Субин уже стоит в проеме.

Она входит в комнату, сама тянется к выключателю, мимолетно задев мою ладонь кончиками пальцев, и одновременно толкает спиной дверь.

Свет в комнате яркий, первые секунды он ослепляет. Субин закрывает глаза и медленно выдыхает.

Секунды идут, пронизывающая комнату тишина пульсирует в такт ее дыханию. Оно потихоньку выравнивается, но Бин стоит в том же положении, не открывая глаз.

Решив, что ей просто неловко из-за разговора с соседкой, я занимаюсь тем, что сделал бы, окажись здесь как фотограф — оцениваю обстановку. Как падает свет, где лучшее место для снимков, куда бы установил источники освещения. В какой технике я бы работал.

Голос Субин первым разбивает эту почти совершенную тишину.

— Ты в курсе, что для корейцев значит позвать на ramen?

Я нехотя отрываюсь от вида стерильной чистоты ее комнаты, которая настораживает после того, что я увидел на той самой странице в твиттере.

— Боюсь представить.

— Перевожу дословно: «Ты переспишь со мной?»

Я замираю от ощущения ползающих по телу мурашек. Шея Субин открыта, и трудно не обратить внимание на то,

как светлая кожа стремительно розовеет. Притом, что лицо невозмутимо и ни единым признаком не выдает ее волнение.

— А вариант, что я хочу *просто поесть*не рассматривается?

— Рассматривается. Если мы исключаем... первый вариант.

Когда-то Субин предлагала мне отсосать на заднем сиденье своей машины. Теперь кажется, будто тогда со мной была не она.

— Я не хочу гадать. Поэтому спрашиваю прямо: ты предлагаешь мне секс, Джейсон?

Если скажу, что ни разу не думал об этом, совру. Если уточню, что не думал сейчас, наверняка получу еще один навешивающий вопрос.

— Субин, нет, я об этом *не знал*. К тому же, напомню, ты попросила помочь.

Оцепенение заметно сходит с ее лица, но взгляд и скованность плеч все еще выдают напряжение.

— Я правда хочу есть. Прежде чем я уйду, просто угости меня чем-нибудь.

Субин молчит и, закусив губу, что-то высматривает за моей спиной.

— Ты хочешь рамен?

Я вскидываю брови.

— Секс или еда? — Ответный бросок в пределы линии ее поля.

— Здесь не бывает первого варианта. Если когда-нибудь между нами это случится, все будет озвучено прямо, без кофе, рамена и прочих кодов.

— Согласен. Прямолинейность — это всегда дико сексуально.

Так же как умение избирательно краснеть телом и сохранять при этом невозмутимое лицо. Именно это заставляет мой взгляд то и дело возвращаться к ней.

— Раз уж мы заговорили о прямолинейности. — Оглядываясь по сторонам, и нахожу на противоположной стене единственную на всю комнату картину. — Не против, если я спрошу кое-что?

Она кивает, с прямой спиной проплывая мимо меня к шкафчику, прикрепленному над холодильником, откуда через считанные секунды достает три пачки лапши быстрого приготовления и небольшую кастрюлю.

— Ты будешь с яйцом? — спрашивает, не дождавшись моего вопроса.

— Без разницы.

— С яйцом вкуснее.

— Тогда добавь, — говорю я.

— Закину два.

— Почему твое лицо не краснеет?

Субин застывает с кастрюлей в руках, вытянув ее над раковиной.

— Когда смущаешься, твое тело покрывается пятнами, а

на лице — ничего.

Она отмирает, хлопает по смесителю и пожимает плечами.

— Наверное, из-за ВВ-крема. Было написано, что он маскирует мелкие покраснения.

Ну ладно, сойдет за оправдание.

Я подхожу к кровати и опускаюсь на стеганое покрывало, пока Субин занята приготовлением лапши.

— Тут у тебя... мило.

— Скучно. Стерильно. Как в каталоге продаж скандинавской мебели. Но точно не мило. — Она отпивает из ложки горячий бульон и удовлетворенно кивает. — Вилка или палочки?

— Вилка.

Ее глаза смотрят на меня исподлобья, пока рука мешает лапшу металлическими палочками. Всего на мгновение я будто бы вижу в них осуждение.

— Рамен или чаджанмен?

— Э-э-м...

Губы Субин вздрагивают, взгляд озаряет короткая вспышка. Раньше, чем я понимаю, что это, возможно, похожие блюда, она улыбается.

— Шутка.

— В следующий раз приготовь мне второе.

— Обойдешься.

— Так я и думал.

Ее пальцы умело порхают над паром, когда следующие тридцать секунд молчания прерывает вопрос:

— Ты же не танцевал раньше?

— По тому, как я делаю это на репетициях, все очевидно.

— Спенс похвалил тебя. — Она выключает плиту и перекладывает кастрюлю с лапшой на салфетку, расстеленную на столе.

— И все равно я выделяюсь на вашем фоне. Не в лучшую сторону.

— Зачем тогда вызвался? Из-за дружбы с Рамирес?

— Уже не помню. — Пожав плечами, добавляю после короткой паузы: — Вроде, из-за тебя. Сэм задала вопрос, ты оказалась в неловком положении, я и решил взять удар на себя.

— Выходит, теперь я твоя должница, — шурится она.

— Мы договорились, что ничего не должны друг другу. Пусть это будет условием на перспективу.

— Просто я могу помочь. Немного... подтянуть тебя в танце. Если тебя это интересует. — Субин кивком приглашает присоединиться к ужину.

— Нет, танцы меня не волнуют. Я помогу ребятам с конкурсом. Но это все.

Она устраивается на одном из стульев и указывает на второй.

— Хотя можешь есть прямо с кровати.

— Боюсь нарушить идеальную чистоту твоего одеяла.

Вижу, как в уголках ее губ промелькнула улыбка.

— На тебе уличная одежда. Ты уже ее нарушаешь.

Я замираю с протянутой мне тарелкой. Пальцы Субин задерживаются на краю, тепло от них чувствуется сильнее, чем от лапши.

Я поднимаю глаза. Субин смотрит прямо на меня.

— Ты меняешь белье, когда я уйду?

Тупее вопроса и не придумаешь...

— Конечно, нет. — Она погружает палочки в чашу с лапшой. — Уткнусь в одеяло и буду вспоминать, как ты пахнешь. Я же маньячка.

— А ты умеешь шутить, — располагаюсь удобнее, поджав ноги под себя.

— Может быть, я не шучу.

Субин улыбается — слишком отстраненно, чтобы понять — была ли это все-таки шутка.

Лапша исчезает во рту, какое-то время этот звук единственный прерывает тишину. Пока за стеной не раздаются тихие голоса.

Пара за дверью общается приглушенно, и мы с Субин делаем вид, что нам неинтересно, хоть взгляды каждые пять секунд стреляют в сторону стены, отделяющей нас от коридора. После разговоров идет серия звонких поцелуев, один далеко не тихий стон и, наконец, звук захлопывающейся двери.

— Субин, я отвлеку тебя на минутку? — доносится через закрытую дверь.

— А если бы мы тут с тобой сексом занимались? — шепотом возмущаюсь, отодвигая полупустую чашку.

— Тогда бы я просто застонала погромче, — Субин выдает это с такой простотой, будто обсуждает погоду.

— Знаешь, что у тебя удивительная способность, — не замолкаю я, даже после того, как она встает и направляется в коридор. — От твоих шуток про секс можно почувствовать себя импотентом.

Она оборачивается — секунда-другая, и эта холодная улыбка маньячки-шпиона-киллерши становится мягкой. Желудок приятно печет, и не знаю в рамене дело или в этой улыбке.

— Если бы ты только знал, какая удивительная способность есть у тебя, Джейсон, — не дав мне ответить, она исчезает в коридоре.

Пока за стеной идет разговор-перешептывание, я доедаю лапшу, и в четыре глотка допиваю бульон.

Шорох, щелчок, быстрые шаги. Следом скрипит дверь.

— Ладно, удачи, — пробивается шепчущий голос Субин через узкую щель дверного проема.

Хлопает дверь — уже входная — и я слышу, как в коридоре раздается эхо цокающих каблучков.

Через секунду Субин вновь появляется в комнате.

Ее взгляд опускается на мои руки, в которых я все еще держу пустую миску из-под лапши и, поднявшись, впивается в губы.

— Ты уже всю лапшу слопал? И бульон?

Не знаю, какая неведомая сила спрятана в этой девушке, но в который раз за один только вечер, я теряюсь под ее напором.

— Я голодный был, — выходит почти жалобно.

— Хочешь, свою дам.

Эта резкая смена приводит меня в себя.

— Джеки ушла? Вы же с ней не ругались из-за меня?

— Ты меня брезгуешь? — выдает Субин.

— Что? Да с чего ты вообще...

— Я предложила лапшу. Ты избежал ответа.

Машинально, не зная, зачем это делаю, я тянусь к ее чашке. Забиваю на палочки, вилку, даже на то, что она у нее почему-то горячая. Поднимаю чашку, подношу к губам, наклоняю ее и за считанные секунды сметаю все подчистую.

— Довольна? — с тихим стуком кладу чашку на стол.

В первые секунды она кажется невозмутимой. Такой же холодной и неприступной, как и всегда.

Что я здесь делаю?

Что за игры мы с ней играем и почему я ведусь на каждый ее ход?

— Ты съел мою порцию.

— Стерва.

Слово вылетает без спроса. С ней я расслабился и перестал подбирать то, что правильно.

С ней — не было необходимости.

— А ты был женат. — Ее плечо плавно приподнимается, и я зависаю на этом жесте, не сразу вникнув в слова. — У всех свои минусы.

Я слышу, как деревянные ножки царапают пол, следом Субин садится на стул.

Смысл предпоследнего предложения доходит с опозданием.

— Я и сейчас женат.

Что-то со звоном опускается на стол — две металлические палочки в руках Субин.

— Это...

— Формальность. Мы разошлись вскоре после свадьбы. С бумагами тянули, правда. Скоро все закончится.

Казаться безразличным уже почти не трудно.

— Развод?

Киваю.

— Четыре года прошло. Давно надо было.

Субин пару секунд молча смотрит в окно, и встает, чтобы убрать со стола. Я порываюсь помочь, но замираю на полпути, когда она молча оглядывается и заставляет меня замереть с вытянутыми руками.

— Джейсон, тебе пора.

— Пора, пока я не разведусь? — пытаюсь шутить, но понимаю, что в этот раз она вряд ли оценит.

— Просто пора.

В комнате становится тихо, но вместе с моей попыткой

подняться с кровати, раздается скрип. Меня передергивает. В то же мгновение лицо морщится, а по груди почему-то расходятся теплые волны.

Скрип старой кровати в этой стерильной комнате ощущается, как свидетельство жизни.

Я выпрямляюсь, накидываю куртку на плечи и делаю три шага в сторону выхода.

Меня останавливает тихая реплика Субин:

— Если бы я захотела тебя по-настоящему, Джейсон...

Оглядываюсь и жду.

— Плевала бы я на то, что ты женат. Это чертовски пугает.

Ее взгляд удерживает меня.

Вместо ответа мои ладони сжимаются на полах куртки, отодвигая их в стороны.

Слова вылетают из головы, а я стою и пялюсь на нее, как идиот.

— Спокойной ночи, — чуть громче добавляет она.

— И ты, — выдавливаю с трудом. — Спи спокойно.

Следующие шестьдесят секунд проносятся в голове постукиванием метронома. Я успеваю открыть и закрыть за собой три двери.

Уже на прохладном уличном воздухе я останавливаюсь, опускаюсь на корточки и шумно выдыхаю облако пара. Вот здесь я наконец-то даю волю словам:

— Это же, блять... Полная задница.

Глава 14

Паркер

Стены офиса адвоката Эванса бледно-серого цвета, напоминающего операционную. Я опаздываю на семь минут, но мое тело не торопится.

— Мистер Эванс ждет вас, — голос помощницы пробивается сквозь хаотичные мысли.

Я киваю и подхожу к двери.

Нажимаю на ручку, плавно тяну на себя створку и вижу, как Эванс поднимается из-за стола. Он здоровается, я отвечаю, пожимая протянутую мне ладонь.

Смотрю прямо перед собой, включив режим сломанного объектива. Узкий угол обзора градусов в пятьдесят — этого достаточно, чтобы не упустить что-то важное.

— Здравствуй, Джейсон, — слышу голос, который больше не искажен динамиком телефона.

И с каким выражением я должен встретить ее через четыре года?

Ненависть — слишком раздуто. Презрение? Слишком предсказуемо.

В равнодушие Линда не поверит.

Радость? Было бы смешно.

Губы складываются в расслабленную ухмылку.

— Привет. — Наконец-то я решаюсь посмотреть. — Не узнал. Ты изменилась.

Мимолетно скольжу взглядом по ее лицу и фигуре за столом.

Джейсон Паркер ушел от нее разбитым, только я заменил того бедолагу другим. И сейчас моя суперспособность быть легким парнем на две недели будет кстати, как никогда.

— Я надеюсь, в лучшую сторону? — отзывается, закусив губу.

Потаскуха.

Когда-то я не хотел произносить это слово даже в мыслях, но сейчас оно жжет язык и увеличивается в размерах, заполняя рот.

Мне дышать трудно от того, как хочется бросить ей это прямо в лицо.

Вместо этого я киваю Линде. Делаю вид, что оцениваю, как мужчина, а не идиот, которому угораздило выбрать ее своей первой любовью.

Линда, поправив волосы, скрещивает руки под грудью и выставляет свой третий размер как *общественное достояние*.

Впрочем, таким он и был.

Я узнал это от самой Линды.

Она не скупилась в подробностях: в каких позах, когда и с кем.

Рассказала, что я был нужен ей как прикрытие перед консервативными, фанатично религиозными родителями. Ведь с пятнадцати лет, с той поры, как она впервые осмелилась приводить в дом парней, я был единственным, кого они одобрили.

Добрый юноша, и лицом — просто ангел с открыток. Я был красивым ребенком, подростком, парнем и даже сейчас, черт возьми, продолжаю цеплять своей внешностью.

Какое-то гребаное Чудовище наоборот. Мужчина, за чьим внешним совершенством никто не пытается разглядеть глубины.

Может, поэтому имя Питер, которое никогда мне не нравилось, уже в кампусе вросло в меня второй кожей.

Как чертова маска Венома.

Или сирена сигнализирующая: «Внимание! Это плохой парень».

Наш обмен говорящими взглядами с бывшей женой продолжался бы, пока меня не стошнит от этой игры, но, к счастью, адвокат Эванс напоминает о себе:

— Раз взаимных претензий у сторон нет. Тогда можем сразу подписать бумаги.

— Никаких, — отвечаем почти синхронно.

Ни имущества, ни детей, ни животных. Каждый сам по себе все четыре с половиной года.

Наш развод — такая же фикция, как и весь брак.

Пригубив воду, откладываю стакан в сторону, чтобы под-

писать бумаги. Рука замирает над пустой строчкой, тишину в кабинете разбавляет только тиканье часов на столе адвоката.

Линда посылает мне улыбку. Я расписываюсь в документах и передаю их бывшей жене.

— Ты покрасила волосы?

— Нравится? — улыбаясь, она убирает волосы за уши.

Это знакомое движение заставляет мои челюсти сжаться.

Ненавижу.

Ее — за то, что в привычках и внешне она осталась почти такой же.

Себя — за то, что до мельчайших подробностей все еще помню, как она делала все это раньше.

Как я три года смотрел на нее, мечтая, что однажды она станет моей, но оставался при этом долбанным мечтателем. В то время как те, кто был посмелее, всеми способами имели мою *мечту*.

Поднимаюсь, оставив ее вопрос без ответа.

— Если это все, я отчаливаю, — бросаю Эвансу, в чьей адвокатской практике наш развод наверняка был одним из самых быстрых.

Мы бы могли подписать все бумаги, не пересекаясь друг с другом, но адвокат настоял на встрече.

— С бумагами все. Когда будете уходить, возьмите брошюру у моей помощницы. Там вся информация по услугам фирмы. Если вы собираетесь заключить другой брак, подумайте о составлении контракта.

Так ушлый старик позвал нас сюда ради саморекламы?
— О, разумеется, — кресло подо мной отъезжает в сторону.

Линда будто хочет что-то добавить, но я сдержанно киваю им обоим и, не оглядываясь, выхожу из кабинета.

Но прошлое в лице блондинки с зелеными глазами несколько минут спустя догоняет меня на парковке.

— Ничего не хочешь сказать? — от приветливости Линды не осталось и следа.

Почему-то она зла. Хотя должен быть, вроде, я.

Ее лицо краснеет даже сквозь слои косметики. Я не знаю, что ее состарило: погоня за красивым образом, бизнес, короткий сон или вредные привычки. Спрашивать не стану, хотя грудь на мгновение кольнула жалость — все, что у меня к ней осталось.

— Что это ты устроил у адвоката? — Линда, сложив руки под грудью, делает шаг ближе. — Показал, что тебе плевать на меня?

И улыбается с превосходством.

В жалости она точно не нуждается.

— Мне плевать, поэтому я ничего не показывал, — отзываюсь я ровно, пока пересыхает в горле.

— Джейсон, — Линда, наклонив голову, тянет указательный палец к пуговицам моей рубашки. — Знаешь, я думала, ты хотя бы раз попытаешься. Вернуть меня. Но ты...

Вернуть *тебя*?

Складки с моей переносицы плавно перетекают на лоб.

Линда качает головой, продолжая:

— Даже сейчас ты молчишь. Будто я ничего для тебя не значила.

В первые полгода после расставания я каждый день проигрывал в голове наш разговор. По ночам представлял, как высказываю ей все. Эта речь жила со мной, даже когда я отпустил ее из мыслей.

Я ложился в постель с каждой новой девушкой и трахал ее до изнеможения. Думал, что забываюсь, но продолжал высказывать свою ненависть к бывшей.

И сейчас, когда у меня наконец появилась возможность сказать эту речь той, кому она предназначена, слов почти нет.

Те, что есть — уже другие.

— Я не стал тебя возвращать, потому что ты никогда этого не стоила. А еще... Потому что я никогда не любил тебя по-настоящему. Будь счастлива, Линда. — выдыхаю уставшим голосом, в котором слышится облегчение.

Сесть в машину я не успеваю. Щелкает сигнализация, я тяну за ручку и дергаю дверь, когда слышу тихое:

— А что, если я несчастлива? Если я так и не смогла стать счастливой, Паркер?

Даже если бы мне не было плевать, во второй раз я на это не повелся бы.

Поднимаю голову и обреченно вздыхаю, глядя на бетон-

ные плиты, разрисованные желтым.

— Помнишь, ты говорила, что гороскоп сулил тебе удачу с фамилией Паркер?

Взгляд Линды поднимается вслед за моим. Она смотрит на плиты и передергивает плечами.

— Пользуйся на здоровье.

Мы встречаемся взглядами.

И теперь я уверен, этот — точно последний.

Глава 15

Паркер

Дом, в котором я вырос, находится в Уолтеме. Тихий район с большими деревьями и постройками, среди которых есть дома возрастом около ста лет.

Наш двухэтажный коттедж — относительно новый.

Папа уволился из полиции, когда нам с Джейком было по семь лет, и пошел работать строителем в частную фирму. Через год нам достался участок со скидкой, а еще через три на месте пустой земли вырос дом.

Подъезжаю к подъездной дорожке. Джейк, как обычно, занял два места, и теперь мне придется втиснуться в узкое пространство между ржавым пикапом отца и почтовым ящиком.

Три минуты пытений, и я наконец-то паркуюсь.

— Джейсон! — Мама открывает дверь еще до того, как я жму на звонок.

Обнимает меня, я улавливаю знакомый аромат вишни и бабл-гам.

— Когда папа уже поменяет эту развалину? — Я едва не кашляю от живительной силы объятий Селесты Паркер.

Выглянув из-за плеча, мама щурится в сторону парковки.

— Ты же знаешь, папа не станет так просто отказываться

от старых друзей.

— Снова забыла, куда положила очки? — спрашиваю с мягким укором.

— Я их сломала, — вздыхает она, отступая в сторону, чтобы пропустить меня в дом. — Но уже заказала новые.

Голос отца доносится из кухни вместе с запахом стейков:

— Как тебе еще не выдали дисконтную карту в этой оптике?

Папа часто готовит для семейных ужинов — время, когда мама берет на себя сервировку и десерт, а отцу отводится роль шеф-повара.

За спиной раздаются шаги.

— Что за вид?

Обернувшись на голос Дианы, машинально протягиваю ей кулак для приветствия.

— Ты проходишь кастинг на роль привидения?

Я смотрю на себя: похудел, толком не загорел прошлым летом. Вены синие — на запястьях и тыльной стороне ладони.

— Все еще надеюсь на перезапуск «Сумерек». Буду пробоваться на роль одного из Калленов.

— Джей, ты старый, — уголок ее губ дергается.

— Не такой уж...

— Впрочем... — Ди оценивающе приглядывается и обходит меня кругом. — Сойдешь за Карлайла.

— Идите к столу, — мама мягко толкает меня и Диану в

сторону ванной. — Но сначала помойте руки.

Джейк спускается к ужину, когда все уже за столом. Он здоровается кивком, но не сводит с меня глаз, пока занимает место. Мы не разговаривали с тех самых пор, как я переехал.

— Крис не смогла выбраться, — прерывает он молчание.

— Новая работа... — Мама понимающе вздыхает. — Пока привыкнешь.

— Почему всем плевать, когда школу меняешь? — фыркает Диана, заглушив слова стаканом сока.

— Ты сама захотела досрочно сдать экзамены и уйти из обычной в школу для гениев.

Джейк сводит брови и напрягает челюсти — так он обычно без слов говорит, чтобы мы не лезли. Не осуждали и не обсуждали его невесту в ее отсутствие. Одним словом — включает защитника.

Я понимаю его как мужчина, но иногда это напоминает абсурд и... раздражает.

Сжав пальцы на запястье, я успокаиваюсь.

Крис не виновата в том, что я просто завидую брату. Его нормальная девушка стала для меня еще одним доказательством, что мои настройки сбились.

Есть другой Паркер, у которого все получается.

А есть просто я.

Первая половина ужина проходит за разговорами. Общаются все, за исключением Дианы, увлеченной игрой в тетрис из мяса и овощей. Но я, хоть и пытаюсь участвовать в них, половину времени где-то в другом месте.

— Джейсон? — Мамин вопрос, видимо, доходит до меня не с первого раза. Поднимаю взгляд и встречаю по меньшей мере три пары глаз, уставившихся в ожидании.

Ди все еще выкладывает пищевой тетрис — уверен, она просто ждет удобный момент, чтобы разрядить обстановку, если та накалится.

Как это бывает в семи случаях из десяти.

— Я здесь, — стараюсь улыбнуться расслабленно.

Джейк, проглотив смешок, выдерживает мой взгляд ровно одну секунду, прежде чем переводит его на стену.

— Ты же говорил, что у тебя есть новости? — спрашивает мама.

Все за столом напрягаются. Даже Диана отодвигает пальцы к краям телефона.

Если бы это было кино, а не обычный семейный ужин, я бы выдержал паузу, откашлялся и по очереди остановил взгляд на каждом.

Вместо этого я пожимаю плечами и отправляю в рот кусок стейка.

— Я свободен.

Пару секунд молчания, и в комнате раздается смех Джейкоба.

— Был хоть один день за последние несколько лет, когда ты не свободен? Или ты про те промежутки между двумя неделями?

— Джейк.

Папа не повышает голос.

Он вообще редко это делает. Его будничная, домашняя мягкость всегда контрастировала с тем, каким шериф Паркер был на работе.

С детства мы с братом видели, какой он на службе, и поэтому чтобы усмирить нас, папе было достаточно одного взгляда.

Ну или, как сейчас, одного слова.

— Я про брак. Со вчерашнего дня я официально в разводе.

Джейк открывает рот и быстрее, чем вылетает очередной комментарий, его подбородка касается тыльная сторона ладони Дианы.

— Муха залетит, — бросает сестра, поднимая голову.

Мама встречает мой взгляд и ненадолго задерживает его.

— Как тебе стейк? — Отец тянется к бокалу с водой и отпивает глоток. — Я готовил по новому рецепту.

Папа единственный человек в нашей семье, которого моя история с Линдой волновала ровно настолько, чтобы не казаться совсем безразличным. Всегда готов поддержать разговор, только если у меня есть желание его продолжить.

Он замедляется в ожидании моего ответа.

— Отлично. Ты доводил его до готовности в духовке?

Плечи отца опускаются, он откидывается на спинку высокого стула, правильно истолковав мой ответ, — тема закрыта, может быть, мы обсудим подробнее в следующий раз.

— Чуть дольше готовил мясо перед жаркой.

Какое-то время мы едим молча. Диана первая нарушает тишину, расправившись с пищевыми блоками на своей тарелке:

— Джей, кто такая «Причина»?

Мама и Джейк настораживаются, глядя то на меня, то на Диану.

Проталкиваю кусок в горло — медленно, чтобы не поперхнуться.

— Причина?

— Ага. У тебя в телефоне. — Она кивает на темный прямоугольник, лежащий между бокалом и нетронутой салфеткой. — Ты в ванной забыл. Я не поняла, что он твой, и заблокировала. А там сообщения. Ты их уже прочитал?

Я лишь догадываюсь, какую свою сторону показывает моя не по годам умная сестра — все еще наивной девочки или слишком наблюдательного подростка. Судя по наигранной простоте, перед нами сейчас вариант номер два.

— Это... друг.

Мог бы сказать проще — знакомая.

— Девушка?

— Друг, — повторяю я.

— Девушка не может быть другом? И почему «Причина»?

Я избегаю прямого взгляда на всех, кроме Дианы, но ощущаю глаза остальных на мне — без исключения.

— Причина, чтобы послать Линду на хрен? — не дождав-
шись ответа, добавляет она.

— Диана, твой стейк остывает, — дипломатично встре-
вает отец, пока лица мамы и Джейка едва не трескаются от
любопытства.

— Причина, чтобы больше никогда не забывать телефон
в ванной комнате, — зубоскалит Джейк.

Мои пальцы сжимают ножку бокала, мечтая вылить ему
на голову все, до последней капли. Как в детстве, когда ар-
гументы для спора заканчивались у обоих, и козырем брата
всегда было «я старший».

— Смешно.

И как бы тихо я ни пытался произнести это слово, мое
бормотание не ускользает от острого слуха матери. Глаза Се-
лесты Паркер горят ярче вспышки на камере моего телефона
— я лишь догадываюсь, что она успела придумать

— Я слышал, что твоя бывшая стала богатой.

Джейк переводит тему, и я, наверное, должен быть рад
поводу ускользнуть от вопроса Дианы, но вся моя благодар-
ность сейчас собралась в кулаке.

— Скажи, что хоть что-то отжал у нее как моральную ком-
пенсацию? — фыркает он.

— Мне стоит предупредить Крис, чтобы тщательно со-

ставляла брачный контракт?

— Я сам предложу. У нас все прозрачно и честно.

Секундную тишину разрезает скрежет царапающего тарелку ножа. Отец откладывает приборы, медленно набирает полную грудь воздуха и так же размеренно поднимается из-за стола.

— Спасибо за ужин.

Следом скрипит спинка стула за Джейком — он откидывается на нее со скрещенными руками.

Полный комплект будет, если он скажет мне коронную фразу: «Надо же было все испортить».

Я считаю секунды, гадая, кто и когда заговорит первым. На шестой, когда папа подходит к раковине с пустой тарелкой, происходит кое-что невероятное.

— Извини. Я правда за тебя рад. Просто искренней радости ты бы вряд ли поверил.

Нужно дважды моргнуть, чтобы осознать: слова вылетели из моего брата. И причем прозвучали так искренне, что я не помню, когда мы в последний раз разговаривали с ним... вот так.

— Пап, дуй обратно — драка отменяется, — замечает сестра с непринужденностью подростка.

— Слава богу, — вздыхает отец. — У меня еще есть место на десерт.

Наблюдая за их перемигиванием, я впервые за ужин открыто улыбаюсь. Возвращаю взгляд к Джейку: он спокойно

дожевывает последний кусок мяса.

— Спасибо, брат.

Налет невозмутимости моментально идет трещинами. Джейк морщится и бросает, сдерживая улыбку в уголке губ:

— Лучше бы как раньше — назвал «Джейком-стейком».

— Чтобы ты припомнил мне «Питер-свитер»?

— Какое счастье, что у меня нет близнеца! — Диана возводит глаза к потолку. — Припомнили ли бы мне какой-нибудь штат.

— Диана Монтана? Луизиана? Или Индиана Джонс!

— Пап, ты не мой близнец, так нечестно!

— Можно без штатов, — добавляет мама. — Как насчет банана?

— Мама, и ты с ним! Больше никогда не буду есть бананы.

Сестра заняла мою бывшую комнату, когда мы с Джейком переехали в Бостон.

Еще в детстве она часто прибегала сюда, если ночью ее будили кошмары. Уже в три года у Дианы были зачатки командирши — стоило ей появиться на пороге моей комнаты, и я знал, что ближайшие восемь-девять часов проведу на жестком полу.

— Если я останусь на ночь, уступишь мне комнату? — спрашиваю, едва переступив порог.

Диана сидит на кровати, усердно печатая в телефоне. Взгляд не отрывается от экрана, даже когда я появляюсь в комнате.

Не спеша осматриваюсь, отмечая новые постеры, заполонившие стены. Большая часть исполнителей мне даже не знакома. Остальное будто и не менялось с моего переезда: тот же цвет стен, та же мебель и, о Боже, ковер с покемонами.

— Я думал, его выбросили.

Взгляд Ди мимолетно скользит по мне, ненадолго падает на пол и возвращается к телефону:

— Мне он нравится.

Я опускаюсь на кровать рядом с ней, не дожидаясь приглашения.

— Здесь удобно.

— Ага.

Обычно она закидывает меня вопросами, сегодня она ограничилась несколькими во время ужина, а теперь молчит, уткнувшись в экран.

— Это парень?

Она откладывает телефон и поворачивает голову. Ее взгляд именно такой, как и всегда — требующий, но непонятно что. Будто это не я задал вопрос, а она.

И вообще, кто тут из нас старший брат?

— Мы почти ровесники, — пожимает плечами. — Ему будет четырнадцать.

— Два года разницы в твоём возрасте — это немало.

— Мне будет тринадцать.

— В конце года.

— В сентябре.

Ну что, *старший брат*, облажался?

— Как вы познакомились?

— Отвали. — Она вытягивает лицо и демонстративно закатывает глаза.

— Я твой брат.

Ну-ну. Надо было добавить «старший», чтобы сработало.

— И? Мне теперь все про себя выкладывать? Или про каждого парня, с которым общаюсь? Может, еще рассказать все подробности первого поцелуя? — Она хлопает длинными ресницами и вытягивает губы в трубочку.

Руки на бедрах сжимаются неосознанно. Медленно выдыхаю. Ладно. Бить морду таинственному тринадцатилетке, когда ты на десять лет старше — это плохая затея.

— А ты... не торопишь события?

— Отстань. Не буду я целоваться с мальчиками раньше двадцати. — Я расслабляюсь, а мелкая хитро прищуривается. — Насчет остальных не обещаю.

Я поднимаю руки, смирившись с тем, что тема исчерпана и мне не добиться от сестры подробностей.

— Мы поспорили в комментариях к видео твоего друга, — внезапно продолжает Диана.

— Друга?

— Спенсера. Ты же говорил, что танцуешь в его команде.

Я нашла его страницу, думала и ты там иногда мелькаешь.

Я и Спенсер — друзья? Да с того случая, когда Милли на глазах всего университета засосала меня ему в отместку, я не помню, чтобы он хоть раз смотрел в мою сторону без отвращения.

— Ну так вот. — Ди садится ровнее. — Я зашла к нему и написала, что он классно танцует. Ну, под парочкой видео. Или под несколькими? Ладно, под десятью.

Она вздыхает, откидываясь на подушку.

— А этот кретин... — Тычет на имя в мессенджере, которое я не могу прочесть из-за ее пальцев. — ...написал, что танец дерьмовый, а у меня нет вкуса! Я ответила, он мне — целую простыню букв. Слово я — три его. Я вскипела и позвала его на стрелку.

— Я надеюсь, он отказался. Если мне придется отстаивать честь сестры в дуэли с тринадцатилеткой, то готовься, что я сяду в тюрьму.

— Да куда там! Сразу слился. Написал, что лететь до Бостона далеко. А вчера он зашел на мою страницу. — Нос Дианы брезгливо морщится. — Отправил уродский смайлик с кривыми зубами и написал, что его брата тоже хотели назвать Дианой. Ты прикинь, какой он дебил.

— А его как зовут? — улыбаюсь я.

— Да не знаю, — отмахивается сестра, наконец вернув вкладку с соцсетью и отложив телефон. — Ник у него lion_heart. Сколько пафоса, Боже, «Сердце Льва», а воюет в

чужих комментариях под чужой аватаркой.

— Ричард.

— М-м?

— Думаю, его зовут Ричард. Был такой монарх в Англии, правил в двенадцатом веке. Кличка у него была «Львиное сердце».

Диана присвистывает, вскидывая брови.

— Ни фиги ты выдал. А я всегда говорила, что мой брат гений.

— Гений в нашей семье — это ты.

Это не преувеличение. Моя младшая сестра дважды перепрыгивала через классы.

— Ладно, пусть тогда нас будет двое.

Мы замираем и переглядываемся.

— Джейку не скажем?

— Что он идиот?

— Ну, наверно. — Я играю бровями и делаю вид, что стыдливо опускаю взгляд. — На фоне нас с тобой.

— Ладно, — подозрительно быстро соглашается она. — Я не буду говорить ему, что он идиот, если ты расскажешь про свою «Причину».

— Так значит? — Скрещиваю руки, отзеркаливая позу Дианы. — Вдруг мне нечего рассказывать? Ты же знаешь, у меня было много девушек.

— Хоть одну из них ты записывал в телефоне?

— Когда мы друзья, почему бы и нет? У меня есть и дру-

гие номера знакомых с кампуса.

— И ни одной «Причины», — кивает мой маленький детектив.

— У нее сложное имя — одно американское, второе корейское. Я не хотел запоминать оба, поэтому взял название ее аккаунта.

— Корейка? Значит, я ее точно не знаю. Красивая? — Диана мгновенно встает с подушки и садится ровно, готовая слушать. — Боже, о чем я? Разве они бывают некрасивыми?

— Ну вообще-то девушки все по определению красивые. Просто некоторые мужчины смотрят с неправильного угла обзора.

— Ой, Джейсон. — Диана привычно морщит нос, который хочется щелкнуть. — Это что, твоя речь из заготовок для бабника? Лучше скажи, как зовут твою «Причину».

Провожу пальцами по сжатым губам и качаю головой. Сестра хватает подушку, нагревая меня по голове. Через пару секунд я, смеясь, бросаю в нее вторую, поменьше.

— Ну же, Джейсон, как ее зовут? Ким Чен Ын?

— Не смешно.

— Просто я не помню имен других корейцев. Хотя подожди... Точно! Ким Джису — девочка из Blackpink! — Диана сияет, будто имя Субин снизошло в ее голову религиозным откровением. — Если ты не назовешь мне имя, я буду звать ее Джису. Или Ким Чен Ын! — Угрожающе тычет в меня указательным пальцем.

Я смеюсь, отбросив подушку, чтобы заменить снаряд на щекотку.

— Субин как-нибудь переживет, если незнакомая девчонка будет звать ее Джису.

Подушка в руках Дианы замирает в воздухе перед очередным ударом.

А я только что по-идиотски выдал ей имя.

Неужели моя сестра не заметила?

Ди невозмутимо прячет подушку за спиной.

— Значит, Субин.

— Сабрина. В кампусе все называют ее Сабриной, — пожимаю плечами, стараясь выглядеть безразличным.

— Только ты называешь ее Субин. — В комнате разливается тихий, мечтательный вздох.

— Не только я.

— Ну да... Ах, Субин... Просто замечательно.

Глава 16

Субин

— Паркер, опять путаешь ногу! — резко бросает Спенсер.
— Ты так снова заденешь Субин.

Ровно сутки до конкурса. Мы тренируемся третий день без перерыва.

— Если задену, мы разберемся сами, — невозмутимо парирует Джейсон, но все оставшееся время репетиции его движения становятся еще осторожнее, чем раньше.

В танце мы ходим вокруг да около с той же динамикой, что и в отношениях.

Мы общаемся больше месяца. С переменным успехом, но и этого достаточно, чтобы я начала задумываться о том, как на него реагирую.

Мне всегда было сложно понять свои настоящие чувства. А случившееся четыре года назад сделало это практически невыполнимой задачей.

Боковым зрением я улавливаю короткий взгляд Джейсона, брошенный через плечо.

«Отвернись», — кричит одна часть меня, пока робкий едва пробивающийся голос шепчет обратное.

Посмотри на меня.

Этот шепот расплзается в животе теплой щекоткой, когда я представляю, как Джейсон не сводит глаз, пока я танцую.

Уголки губ сами собой дергаются вверх, я сжимаю их, опускаю голову и разглядываю носки кроссовок.

Два прогона, и мы с Паркером шесть раз скрещиваем взгляды в отражении.

Шесть чертовых раз я позволяю себе посмотреть на него мельком, и от каждой такой встречи в мои внутренности впрыскивается укол адреналина, поджигая их так, будто вместо крови в сосудах течет горячее.

— Завтра в три собираемся возле концертного зала, — слова Спенсера помогают прийти себя.

Я касаюсь шеи, стираю пот, набежавший под футболку, и едва перебираю ногами в направлении своего рюкзака.

— Нам в одну сторону, могу подбросить, — прилетает мне в спину, когда я собираюсь выйти и касаюсь дверной ручки.

Прежде чем обернуться на голос Паркера, я пытаюсь надеть на лицо абсолютную невозмутимость.

— Было бы неплохо.

Пассажирское сиденье в машине Джейсона расположено почти вплотную к приборной панели, будто он никого не возит. Либо все его пассажиры ростом с хоббита.

Опустившись в свое «детское» кресло, я нарочито медленно давлю на рычаг и отъезжаю назад до упора — пока наши сиденья не встают на одной линии.

— Что? — спрашиваю, поймав его взгляд. — Не один только ты здесь можешь гордиться длинными ногами.

Передернув плечами, вжимаюсь в спинку кресла и скрещиваю *предмет своей гордости*.

— Никогда не гордился.

— Правда? И лицом?

— А с лицом что?

Вот же позер.

— Им ты тоже никогда не гордился?

— Ни разу. Это не то, чем стоит гордиться мужчине. Не думаешь?

Ну допустим.

— А в Корее считается, что лицо — это буст для успешного будущего.

Прежде чем потянуться к замку зажигания, Джейсон медлит: молчит и смотрит перед собой.

Я отсчитываю четыре вдоха и выдоха, прежде чем он заговаривает снова:

— Значит, там тебе были открыты многие двери? Почему же тогда переехала?

Аргумент, на который сложно ответить. Не сейчас, не ему и не мне.

— Впечатляющий способ намекнуть, что я красивая, —

выдаю вместо ответа.

Пока он не отводит взгляд, зажигание щелкает под его пальцами.

— Кто сказал, что это намек? Ты красивая. И мне незачем искать способ сказать тебе это.

Он едва произносит это, но мне хочется услышать еще раз. Видно, желание отражается в моих глазах, ведь две секунды спустя Джейсон действительно повторяет:

— Субин, ты красивая. Просто, чтобы ты знала.

«Ты такая красивая», — мерзкий шепот из прошлого горьким воспоминанием пробирается в мысли.

Пока он тянется к коробке передач, я отшатываюсь, прижимаясь спиной к двери.

— Все в порядке? — Его пальцы сжимаются на ключе зажигания.

Я киваю.

— Да, просто плечо затекло.

Черт, да это же комплимент, и передо мной не один из них, а Паркер — парень, не имеющий никакого отношения к моему прошлому.

Все еще небольшой, но островок безопасности.

Только вот я слишком хорошо знаю, что острова не спасают, когда шторм бушует внутри.

Глава 17. Разрушение

Сеул, 2020 год

Субин

Осталась неделя до первого экзамена.

Из-за учебы с Дохеном мы видимся реже, чем раз в неделю, и это меня устраивает. Кажется, я начинаю любить его больше, когда мы редко встречаемся. В дни наших свиданий он нежен со мной, как никогда. В такие моменты я даже верю, что у нас может быть будущее.

Прежде чем выйти из класса, я задерживаюсь, читая его сообщение:

«Дохен: Жду возле ворот школы. Я знаю, что ты свободна;)».

Оглядываюсь по сторонам. Откуда он знает?

Мурашки ползут по коже от холода, а не предвкушения встречи.

«Сегодня смена», — печатаю лихорадочно, не придумав ничего правдоподобнее.

Палец на мгновение замирает над стрелкой, но, выдохнув, я отправляю сообщение. И тут же получаю ответное:

«Дохен: Врешь».

«Ты провела бы час на английском. Его отменили. В чем твоя проблема?»

«Я: Я отпросилась из-за работы».

Не знаю, зачем продолжаю врать. Прошло три недели с последнего раза. Физически я готова к этому. Он все еще не вынуждает меня делать то, о чем просил в старой библиотеке, но каждый наш раз будто бы приближает этот момент.

«Я: Мне нужны деньги».

Дважды успеваю вздохнуть и получаю ответ, после которого кровь приливает к лицу:

«Дохен: Я заплачу».

Не «я помогу тебе», а «я заплачу».

Я поднимаю взгляд, отрешенно смотрю через окно, откуда открывается вид на школьный двор. Глаза фокусируются на высоком дереве в нескольких метрах от окна, пока я не замечаю знакомую фигуру.

Дохен стоит, подпирая стену спортзала и быстро стучит по экрану.

В моей ладони вибрирует телефон. Мой парень ухмыляется, а я не свожу с него глаз, медленно поднимая телефон.

«Дохен: Сколько тебе нужно? Могла бы попросить у меня. Близкие люди нужны, чтобы просить о помощи».

Горло царапает ком, когда я пытаюсь сглотнуть. Слова, которые кажутся правильными, проходят через фильтр, искажающий их до истинного значения.

Тот, кто правда хочет помочь, не стал бы смотреть на сообщение так, будто уже знает, *что*получит в благодарность за помощь.

Рука опускается вместе с телефоном. Я не шевелюсь, пока на лице Дохена нервозность сменяется предвкушением. Он отрывается от стены делает несколько шагов в сторону и обратно. Наматывает круги, шипит на телефон, пока наконец не смотрит в окно.

И замечает меня.

Возможно, впервые за все время, пока мы встречаемся, он видит меня настоящую.

Мой подбородок дергается выше, затылок врезается в стену. Хочется отзеркалить его ухмылку, но вместо этого я разворачиваюсь и ухожу.

«Дохен: Куда ты делась? Я искал по всей школе».
«Эй, что ты там придумала? Из-за денег?»
«Я пошутил, глупая».

За стеной гудит телевизор, и сквозь шум пробивается только стук ножа — мама что-то готовит.

Оставив сообщение без ответа, я поворачиваюсь на бок и тянусь к тумбочке.

— Субин! — голос мамы заглушает звук хлопающей двери холодильника. — Сбегай в магазин! Лук закончился!

Рука замирает, едва успев выхватить из рюкзака учебник. Протяжный вдох, резкий выдох, и английский возвращается на место.

— Да-а! — Снимаю куртку со спинки кровати.

В конце концов, это обычная история — по двадцать раз отвлекаться на бытовые дела, пока готовишь уроки.

В нашем районе немного супермакетов, но нам повезло — самый крупный и круглосуточный в двух кварталах от дома. Быстрым шагом я добираюсь туда за пять минут. Беру пучок лука и направляюсь прямиком к кассе.

Передо мной стоит высокий мужчина в костюме. Слишком представительный для наших элитных трущоб.

Кассир и очередь за моей спиной разглядывают с нескрываемым интересом и самого мужчину, и то, что он кладет на

ленту. Поддавшись общему любопытству, я роняю взгляд на аккуратно выстроившуюся батарею бутылок пива, мороженое и снеки.

— С вас тридцать семь тысяч пятьсот вон.

Кассир наполняет пакет и собирается отложить его в сторону, но мужчина указывает на стенд за его спиной:

— И презервативы.

Парень на кассе с трудом сдерживает ухмылку, а за моей спиной слышно разочарованный вздох.

— Какие вам?

— Любые.

Взгляд на секунду останавливается на мужчине. Профиль знакомый, я точно его где-то видела.

Попытка вспомнить длится не одну секунду, пока мужчина не замечает мой пристальный взгляд. Он даже удерживает его пару мгновений, но я отвлекаюсь на товарную ленту.

Пакет наконец шуршит. Мужчина уходит, а я не свожу глаз с его затылка, пока кассир пробивает мой лук.

После прохлады кондиционера на улице в лицо бьет спертый воздух, пропитанный ароматами свалки, — она здесь недалеко, за переулком. Я морщусь и ускоряюсь в сторону дома.

Спустя минуту быстрого шага я догоняю уже знакомую фигуру. Мужчина из магазина неторопливо идет по улице.

Я поднимаю глаза и вижу машину впереди, метрах в ста. Так же, как и мужчина в костюме, слишком представитель-

ную для наших элитных трущоб. Она стоит с зажженными фарами, но это совсем не мешает мне разглядеть силуэт на пассажирском сиденье.

Немного прибавив в шаг, я обгоняю мужчину. Приблизившись к автомобилю, замечаю, что он припаркован под вывеской местной гостиницы.

Шаги до машины быстро сокращаются, глаза сами собой скользят по дороге и останавливаются на лобовом стекле.

Я замечаю знакомую куртку, такая же сейчас надета на мне.

Лицо девушки узнаю не сразу — ее голова опущена, пока она расстегивает пуговицы блузки и открывает грудь, упакованную в темную футболку.

Я не хочу останавливаться, хоть мне и любопытно. Это не мое дело, с кем и где встречаются ученицы моей школы. Почти поворачиваю влево, когда девушка, схватившись за полы пиджака, стаскивает его с плеч и поднимает лицо. Слишком чужое для этого места, чтобы я не заметила.

И в то же время слишком знакомое, чтобы я не узнала.

Взгляд Сыльги останавливается на мне, и я замираю, пойманная врасплох. Будто это я сейчас сижу в чужой машине, припаркованной возле отеля.

За спиной раздаются шаги. Я стою неподвижно, пока не различаю голос:

— Вам помочь?

Оборачиваюсь и нос к носу сталкиваюсь с мужчиной из

магазина. Он бросает взгляд через мое плечо и кивает, пока я лихорадочно вспоминаю, где его видела. Обернувшись назад на короткое мгновение, я наконец понимаю.

Он — ее репетитор из Сеульского университета. Я не раз видела, как он забирает Сыльги прямо из школы.

И возможно, я единственная, кто знает, что между ними происходит.

Глава 18

Бостон, 2024 год

Паркер

Субин держит дистанцию, даже когда мы разговариваем. Все наши следующие встречи после той, в ее общежитии, она вела себя отстраненно: здоровалась через раз, на репетициях делала вид, что не замечает, как я на нее смотрю.

И непохоже, что она меня избегает. Просто живет своей жизнью, никого в нее не приглашая.

А я, после того как увидел ее страницу в твиттере, не знаю, как правильно подступить. Как стать для нее просто присутствующим, а не причиной жить или не жить. Быть парнем, на которого она смотрит, как на того, кто ее волнует. Хоть в половину так, как она волнует меня.

— Не забудьте, кто за кем выходит и как стоит на сцене, — бросает Спенс капитанским голосом, который не мотивирует, а раздражает.

Я оборачиваюсь, чтобы ответить, но он уже пропал в телефоне. Зато Субин смотрит на него, делая это дольше, чем можно объяснить любопытством или случайностью.

Она замечает мой взгляд и отвлекается на других ребят из

команды. Меньше, чем через минуту мы выходим на сцену.

Танец проходит для меня как в тумане. Я механически выполняю заученные движения, и даже ни разу не сбиваюсь с общего ритма команды.

После выступления мы идем за кулисы, заполняя пространство вздохами, визгами и взаимными поздравлениями.

Все довольны, Спенсер — особенно.

Обсуждение выступления не заканчивается, и, оставив ребят, я отвлекаюсь на номер следующей группы.

На сцене пять девушек в коротких топах и кожаных шортах, танцуют что-то дико сексуальное на каблуках.

Это... тоже к-поп?

Они собираются в круг, чтобы выполнить акробатический элемент. Двое участниц нагибаются в стойке и я, откашливаюсь, отводя взгляд. Не знал, что меня так легко смутить. Мой взгляд буравит пол, и к тому времени, когда я снова смотрю на сцену, трюк уже выполнен. Ритм песни ускорился и девушки скачут по сцене, будто увиденное было только в моих фантазиях.

В конце номера девушки отвешивают поклон зрителям и возвращаются за кулисы. Одна из них на прощание энергично машет в сторону зала и посылает воздушный поцелуй. Невольно заглядываюсь на рельефные ноги, они настолько гармонично смотрятся в этой обуви, будто девчонка в них родилась. Теперь, когда я не понаслышке знаю, как трудно танцевать даже в удобной обуви, она вызывает восторг и ува-

жение.

Я не успеваю отвести взгляд, и девушка замечает, как пристально я пялюсь. Пружинит легкой походкой мимо и, улыbnувшись, подмигивает мне.

Что ж, раз я все равно пойман с поличным, просто покажу ей класс.

Девушки из ее команды хихикают, я оборачиваюсь и показываю тот же знак остальным.

Счастливых лиц становится больше, и я вспоминаю ту самую легкость, с которой ввязывался в новые отношения без обязательств.

Стоило только мысли о прошлых интрижках просочиться в голову, как я встречаю еще один взгляд, в котором вспыхивает усмешка пополам с брезгливостью.

Я даже догадываюсь, что Субин сейчас подумала.

«Паркер, какой ты предсказуемый».

Субин

Серьезно, Паркер, тебе такое нравится?

Можно нести ведро, чтобы собирать слюну?

Я отворачиваюсь, занимая голову звуками фоновой болтовни кого-то из наших ребят.

Чему удивляться? Джейсон — такой же парень, как остальные, да еще и свободный. Даже у занятых взгляды тянутся на подобные телодвижения.

Забей, Субин.

Просто.

Забей.

Мы ждем чуть больше десяти выступлений до оглашения результатов конкурса.

Места объявляют, вручают призы. Мы радуемся за кубок «Выбор зрителей», хоть и рассчитывали на победу.

Команда собирается у выхода с платформы, на которой сооружена сцена.

— Я обещал, что поведу команду в бар в случае победы, — напоминает Спенс, когда у подножия сцены появляется последний из наших ребят. — Это не совсем победа, но мы должны отметить.

Гул одобрения разливается в теплом воздухе, и следом сыпятся варианты, куда лучше сходить.

Пока все выбирают бар, мои мысли навязчиво возвращаются к выступлению, на котором завис Джейсон.

С первых дней преподавания в танцевальной школе я всеми способами выбивала себе занятия в детских и подростковых группах. Тогда и речи не шло о стрип-пластике.

Но сейчас я бы... попробовала. Например, в пустом классе, когда мой единственный зритель — это я в отражении. Абсолютный контроль во всем: музыке, танце, движениях, мимике. Место, где все в твоих руках.

Раньше, чем эта мысль превращается в визуальный ряд, я заставляю себя вернуться в реальность и замедлиться, пока

решаю, чего хочу больше прямо сейчас.

Стоит пойти в бар с командой? Или устроить внеплановую репетицию в школе. Смотрю на время — она закроется еще нескоро. Мне нужно попробовать сейчас, не дав этой энергии стореть впустую.

И все же я иду в бар вместе со всеми.

Не знаю, что заставило меня передумать. Сидя за столиком и потягивая воду без газа вместо коктейля, я каждые пять секунд бросаю взгляды на компанию за соседним столиком — слишком удачно оказавшуюся в паре метров от нас.

Джейсон сидит через одного человека от меня. Обзор на соседний столик у него еще лучше. Он осушает бокал, игнорирует закуски, и его внимание все чаще примагничивается к той коротышке — лидеру их команды. Джейсон поднимает второй коктейль и чуть заметно салютует им. Стекло касается его губ, и те растягиваются в ленивой улыбке.

Я делаю вид, что участвую в жарком обсуждении танца. Изредка бросаю взгляд на Спенсера, который уже не чувствует себя скованно рядом со мной.

Мои глаза блуждают между лицами троих людей. Двое из них меня интересуют больше.

Спенсер обрывает себя на полуслове. Музыка в баре становятся громче, взгляды между Джейсоном и той девушкой — острее. Разочарование клубится в моих легких и вырывается вместе с тяжелым вздохом.

— Субин, — Сэм нарушает молчание первой. — Придешь к нам на свадьбу?

— На свадьбу?

— Мы с Алексом позвали ребят.

К счастью, мне хватает ума не переспрашивать.

— Конечно.

— Отлично! — Сэм рада, и, наверное, хорошо, что я отказала не сразу.

Позже скажу, что появились другие планы. Или не поеду, мое отсутствие вряд ли кто-то заметит.

Я замечаю взгляд Спенсера, который он переводит с Джейсона на меня.

Приподнимаю брови. Качнув головой, Спенсер возвращается к разговору.

В последний раз смотрю, как Паркер перебрасывается немymi репликами с девушкой за соседним столом.

Стул съезжает по полу, но звук заглушает новая песня в колонках. Оглядываюсь. Они здесь повсюду, будто мы не в баре, где люди пьют и едят, а в ночном клубе.

— Мне пора. — Я озираюсь в поисках куртки, но вспоминаю, что на мне не было верхней одежды.

Джейсон отвлекается так же внезапно, как я поднимаюсь, и встает следом — чуть медленнее, но с не меньшей уверенностью.

— Хочу забежать на работу по одному делу, — я не придумываю, поэтому оправдание слетает с губ без заминки.

Прощаюсь с командой и собираюсь уходить. Стул Джейсона возвращается на место одновременно с моим, вот только сам он на нем уже не сидит.

— Я подброшу, — он обращается ко мне.

— Спасибо за предложение. Сама доберусь.

— Я не предлагал.

Я неосознанно смотрю влево, где сидит вторая причина едва не заработанного мной сегодня косоглазия.

Улыбка, не сходявшая с ее лица с начала вечера, никуда не делась. Она точно так же сияет, общаясь с девушками из команды. И драма, развернувшаяся между мной и Джейсоном, ее не волнует. Как будто все, что я наблюдала последние двадцать минут, — это галлюцинации.

— Ты выпил, — я качаю головой.

— Я не идиот, чтобы пить алкоголь, а потом садиться за руль.

Улыбка Джейсона заставляет меня на мгновение забыть, что мы спорим.

— Здесь никто не пьет алкоголь. Только этот. — Алекс поднимает бокал с красным коктейлем и кивает им в сторону Харви, одного из участников нашей команды.

Джейсон смотрит на меня и ждет.

— Просто подвезешь и поедешь домой, — говорю я тихо, приблизившись на шаг.

— Это условия?

Тело впитывает его голос, позволяя звуку спуститься и

осесть ниже живота. Если бы матка умела дышать, я бы решила, что прямо сейчас она задыхается.

— Договор, — бросаю, уже обогнув его и оставив за спиной.

Он догоняет меня через три шага.

— Договор без условий можно не соблюдать.

— А еще можно подвезти меня без лишних комментариев.

— Тогда можно ревновать открыто, чтобы я понимал, что делаю неправильно.

Он смеется негромко, с теплотой, которая глушит мое раздражение раньше, чем оно разгорается.

Разворачиваюсь, взглядом пригвождая его к месту.

— Мог бы просто не доводить меня до...

Тепло его смеха передается улыбке и глазам.

Он не комментирует, только кивает, проходя мимо и опуская голову.

— Я не ревную, — бросаю вдогонку.

— Я понял.

— Серьезно, Джейсон.

Спина Паркера еле заметно трясется от смеха, пока он уходит.

Поджав губы, я иду следом.

В классе я включаю только верхний свет. Темно-синие те-

ни падают от диодных лент по периметру потолка. Этого мало, чтобы различить детали в отражении, но достаточно, чтобы следить за танцем.

Мелодия льется через динамики наушников. Я выбрала плейлист из сохраненных песен на Spotify.

Запираю дверь, но приглушаю музыку, чтобы слышать, если кто-то будет стучать.

Смотрю несколько роликов с элементами стрип-пластики. Я изучала контемпорари несколько месяцев. Стилль отличается, но у них есть похожие элементы.

Смотрю ролики с паузами, повторяю движения перед зеркалом, и на третьей попытке я наконец довольна тем, что получается.

Шум в соседнем классе стихает, значит, предпоследние смены уходят домой. Сверяюсь со временем и, убедившись, что до закрытия школы осталось около часа, включаю первую песню.

Я взмахиваю рукой, и музыка бьет куда-то под ребра. Вспышки разряда несутся по нервным окончаниям слабой вибрацией. Выдох — и я закрываю глаза. Рука медленно поднимается к шее, бедро скользит в сторону, а носок обуви очерчивает полукруг.

Перемещаю ладонь на живот — туда, где край майки задрался, обнажая теплую кожу. В контрасте с ней ладонь кажется холодной. Веду пальцами вверх, очерчивая ребра и касаясь ложбинки груди. Задерживаюсь там, где стук сердца

отдается в теле грохочущим звуком. На одно мгновение оно пропускает удар, чтобы следующее сделать с удвоенной силой.

Потом руки поднимаются, сплетаясь в замок над головой, и я тянусь вверх всем телом — будто хочу вырваться из своей же кожи.

Я плавно падаю, колени касаются пола. Встаю на четвереньки, спина прогибается, а голова откидывается назад.

Каждая нота отдается под кожей разрядами тока, и на мгновение я перестаю дышать.

По венам вместе с музыкой растекается жидкое топливо. Глаза открываются. Тусклый свет искажает восприятие — на секунду я будто различаю в погруженной во мрак части комнаты чужой силуэт. Он не пугает меня, наоборот, я хочу, чтобы он не был галлюцинацией.

Его здесь нет, но мне достаточно просто представить.

Делаю шаг, силуэт двигается вместе со мной. Он замирает ровно на том расстоянии, которое я выбрала. Я чувствую его дыхание, улавливаю холодную свежесть одеколona, с которой смешивается запах кожи. Руки не касаются меня, но движутся так, будто повторяют каждый изгиб. Он отзеркаливает движение моего плеча, и я выгибаю спину. Его тень подстраивается под изгибы моего позвоночника, не смея коснуться, но и не отступая ни на сантиметр.

Я почти слышу, как пол скрипит под его ногами. Тепло его тела смешивается с моим, вспышки энергии в пространстве

между нами острыми иглами впиваются в кожу.

Я опускаю голову, веду рукой вниз. Медленно раскрываюсь, но не для него, а для той Субин, которую он никогда не видел.

Сгибаясь в пояснице, очерчиваю бедра и вижу, как его тень опускается на колени. Ему не нужно трогать, чтобы я почувствовала его.

Я опираюсь руками на стену и спускаюсь ниже, раздвинув ноги. Смотрю в пустоту перед собой, но вижу его глаза и рот, который делает что-то... невообразимое.

Он наклоняется. Я чувствую слабое движение воздуха на внутренней стороне бедра. Дыхание прерывистое и горячее, ощущается так, будто все происходит на самом деле. Игра воображения переходит на новый уровень, когда я почти осязаю скольжение его языка.

Мое тело выгибается. Теперь зеркальной стены касаются не только руки, но и спина. Я успеваю впиться зубами в язык, прежде чем закричать.

В следующую секунду в комнате вспыхивает свет. Взгляд судорожно отскакивает от двери, но я вспоминаю, что выключатель где-то позади меня. При ярком свете галлюцинации исчезают.

Стекло за моей спиной холодное. Я прижимаюсь к нему, пытаюсь остыть. Пальцы дрожат и срываются с места, скользя под ткань раньше, чем я с ужасом осознаю произошедшее.

Толчки между ног — жесткие, быстрые. Я не ласкаю себя,

а глушу пугающий поток мыслей, который приходит вслед за осознанием.

Палец давит с усилием, ведет сверху вниз и обратно, будто я пытаюсь стереть само ощущение его языка.

Я же закрыла дверь? Кажется, да. А если нет, то плевать.

Откидываю голову, заглушая стон до боли закусанными губами. Пятнадцать секунд — и дыхание выравнивается. Глаза снова открываются, и я сталкиваюсь с отражением, которое давно не чувствовала настолько... своим.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.